

10(144)

Кассель (швед. Karl Gustav Cassel; 20 октября 1866 — 15 января 1945, Стокгольм) — шведский экономист, представитель маржинальной школы[5], автор закона Касселя, модели Вальраса — Касселя.

В 1895 году получил докторскую степень по математике в Уппсальском университете. Благодаря фонду Лорена, в 1898 году прослушал курс лекции по экономике в Тюбингенском университете, затем семестр в Берлинском университете, в 1899 году обучался в Геттингенском университете, в 1901—1902 годах обучался в Англии, в 1902 году вернулся в Швецию[6].

В 1904—1933 годах занимал пост профессора в Стокгольмском университете[7], в 1904—1919 годах был главным экспертом по налогообложению Министерства финансов Швеции, руководитель банковского комитета[8].

Меморандум Касселя о мировой валютной проблеме был издан Лигой Наций и представлен на международной финансовой конференции, проходившей в Брюсселе в 1920 году, его предложения были приняты рядом европейских стран в стабилизации своей валюты. Кассель был назначен почетным лектором Оксфордского университета на лекциях памяти Родоса на протяжении лета 1932 года[9].

Кассель умер 15 января 1945 года в Йёнчёпинге.

Карл Густав Кассель был женат на Ингеборге Мёллер (Ingeborg (Johanna) Björnson Möller) — дочери хуГ. Кассель критикует все квази-кейнсианские предложения, такие как общественные работы, пособия по безработице и все формы дефицитного финансирования[7].

В выпущенной в 1918 году книге «Теория общественного хозяйства» Г. Кассель предложил модель общего экономического равновесия («модель Вальраса — Касселя»), которая в дальнейшем разрабатывалась в неовальрасианской теории общего равновесия в работах А. Вальда, Дж. фон Неймана, К. Эрроу, Дебре, Т. Кулиманса и др.[8].

Сопоставляя политическую ситуацию в Швеции в 1930-е годы с равновесием в модели Вальраса — Касселя, он пришел к выводу, что в Швеции в то время существовало дефицитное финансирование.

160 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
20 октября 2026 г.

КАССЕЛЬ
КАРЛ ГУСТАВ
1866-1945 гг.

UNIVERSUM: ЭКОНОМИКА И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Научный журнал

Издается ежемесячно с ноября 2013 года

Выпуск: 10(144)

Октябрь 2026 г.

Часть 2

Новосибирск
2026

ББК 65+67

U55

Главный редактор журнала:

Гайфуллина Марина Михайловна – канд. экон. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Аверьянова Наталья Николаевна – д-р юрид. наук, доц.;

Андреева Любовь Александровна – канд. юрид. наук, доц.;

Аношина Юлия Федоровна – д-р экон. наук, проф.;

Бессарабов Владислав Олегович – д-р экон. наук, проф.;

Бреслав Елена Петровна – канд. экон. наук;

Воронченко Тамара Васильевна – д-р экон. наук, проф.;

Дорошко Виталий Николаевич – канд. экон. наук, доц.;

Дудченко Оксана Сергеевна – д-р юрид. наук, доц.;

Дядюн Кристина Владимировна – канд. юрид. наук, доц.;

Иконникова Альбина Викторовна – канд. экон. наук, доц.;

Исраилова Зарина Садриддиновна – д-р философии в области права (PhD), доц.;

Кичигин Олег Эрнстович – д-р экон. наук, проф.;

Кожаев Юрий Павлович – д-р экон. наук, проф.;

Коновалова Мария Евгеньевна – д-р экон. наук, проф.;

Макаров Владимир Васильевич – д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки РФ;

Огнева Елена Александровна – канд. юрид. наук, доц.;

Оксаытный Виталий Васильевич – д-р юрид. наук, проф.;

Пятаева Ольга Алексеевна – д-р экон. наук, доц.;

Сальникова Кристина Владимировна – канд. экон. наук, доц.;

Третьякова Лариса Александровна – д-р экон. наук, проф.;

Упоров Иван Владимирович – д-р ист. наук, канд. юрид. наук, проф.

U55 Universum: экономика и юриспруденция : электронный научный журнал. — № 10(144). — Часть 2. — Новосибирск : Изд-во «Юниверсум», 2026. — 52 с. — Текст : электронный. — URL: <https://universum.com/ru/economy/archive/category/10144> (дата публикации: 01.10.2026).

ISSN 2311-4282

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.144.10

Учредитель и издатель: ООО «Юниверсум»

© ООО «Юниверсум», 2026 г.

Содержание

Статьи на русском языке

Юриспруденция

Уголовное право, процесс и криминалистика

- Безналичные денежные средства и иные цифровые активы как предмет хищения по ст. 210-211 УК Республики Беларусь 4
Шепелев Игорь Валерьевич

Правовое регулирование цифровой среды

- Эволюция правового статуса информационных технологий в Российской Федерации: от концепции к цифровой реальности 17
Васильева Полина Вячеславовна
Артюхин Олег Александрович
- Делиберативное формирование судебной власти и прокурорского надзора в условиях международной цифровой трансформации 24
Мороз Сергей Александрович
Рахимова Муаттара Абдусаттаровна
Мамадаюпова Василя Шоназаровна
Махаммаджанов Голибжон Махаммаджан угли
Матенов Рашид Бекимбетович

Articles in English

Law

Criminal Law, Procedure and Criminalistics

- Legal and Doctrinal Problems of Determining the Elements of the Objective Side in Crimes Committed by Negligence 38
Murshudov Rashad

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Статья поступила в редакцию: 23.08.2026

Статья принята к публикации: 28.08.2026

Статья опубликована: 01.10.2026

УДК 343.7(476)

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.144.10.23346

Безналичные денежные средства и иные цифровые активы как предмет хищения по ст. 210-211 УК Республики Беларусь

Шепелев Игорь Валерьевич

ст. преп. кафедры уголовного права

Белорусский государственный университет

Республика Беларусь, г. Минск

E-mail: i.shepelev@yandex.ru

Non-cash money and other digital assets as a subject of theft under articles 210 – 211 of the criminal code of the Republic of Belarus

Shepelev Igor Valerievich

senior Lecturer of the Department of Criminal Law

Belarusian State University

Belarus, Minsk

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации безналичных денежных средств и иных цифровых активов (криптовалюты, токенов, электронных денег) в качестве предмета хищения по ст. 210 – 211 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Анализируется юридическая природа указанных объектов: безналичные денежные средства традиционно рассматриваются как право требования к банку, тогда как цифровые активы легитимированы Декретом Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» в качестве цифровых знаков (токенов) и имеют особый правовой режим, отличный от фиатных денег. В работе обосновывается, что

Библиографическое описание: Шепелев И.В. Безналичные денежные средства и иные цифровые активы как предмет хищения по ст. 210-211 УК Республики Беларусь // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2026. 10(144). URL: <https://universum.com/ru/economy/archive/item/23346>

различие в правовой природе данных объектов предопределяет необходимость их отдельного уголовно-правового анализа. Исследуются дискуссионные вопросы о возможности признания безналичных денежных средств и цифровых активов «имуществом» в смысле примечания к главе 24 Уголовного кодекса Республики Беларусь, где хищение определяется как завладение чужим имуществом или правом на имущество. Целью работы является обоснование правовой природы безналичных денежных средств и цифровых активов в контексте уголовно-правовой доктрины, а также формирование системного подхода к определению их места в системе предметов преступлений против собственности по действующему уголовному законодательству Республики Беларусь. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть применены в правоприменительной деятельности судов и следственных органов для унификации подходов к квалификации хищений безналичных денежных средств и цифровых активов по ст. 210 – 211 Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также использованы при подготовке разъяснений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и внесении предложений по совершенствованию уголовного законодательства в части определения предмета преступлений против собственности, а также служить основой для дальнейших научных исследований в области уголовно-правовой охраны цифровых объектов гражданского оборота.

Abstract

This article examines current issues in the criminal classification of non-cash funds and other digital assets (cryptocurrency, tokens, and electronic money) as the subject of theft under Articles 210 – 211 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. The legal nature of these assets is analyzed: non-cash funds are traditionally viewed as a claim against a bank, while digital assets are legitimized by Decree No. 8 of the President of the Republic of Belarus «On the Development of the Digital Economy» as digital symbols (tokens) and enjoy a special legal regime distinct from fiat money. The paper argues that the difference in the legal nature of these assets necessitates their separate criminal analysis. The article explores controversial issues regarding the possibility of recognizing non-cash funds and digital assets as «property» within the meaning of the note to Chapter 24 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, which defines theft as the seizure of another's property or right to property. The aim of this study is to substantiate the legal nature of non-cash funds and digital assets within the context of criminal law doctrine, as well as to develop a systematic approach to defining their place within the system of objects of property crimes under the current criminal legislation of the Republic of Belarus. The practical significance of this study lies in the fact that its results can be applied in the law enforcement activities of courts and investigative bodies to standardize approaches to classifying the theft of non-cash funds and digital assets under Articles 210 – 211 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. They can also be used in preparing clarifications for the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus and in making proposals for improving criminal legislation regarding the definition of the object of property crimes. This research also serves as a basis for further scientific research in the field of criminal protection of digital assets in civil circulation.

Ключевые слова: безналичные денежные средства, фиатные деньги, цифровые активы, цифровой знак, токен, криптовалюта, предмет хищения, ст. 210 УК Республики Беларусь, ст. 211 УК Республики Беларусь, право на имущество.

Keywords: non-cash funds, fiat money, digital assets, digital sign, token, cryptocurrency, subject of theft, Article 210 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, Article 211 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, property rights.

Введение

Выделение в отдельную категорию безналичных денежных средств от других цифровых активов в Республике Беларусь продиктовано следующими причинами: они имеют различную юридическую природу и правовой режим, разные подходы к контролю, обладают разной спецификой налогообложения. Это разделение является фундаментом для построения четкой и непротиворечивой системы нормативного регулирования.

Таким образом, разделение этих понятий в законодательстве Беларуси – это не просто терминологическое уточнение, а необходимый инструмент для создания сбалансированной системы, которая, с одной стороны, позволяет развивать технологичный сектор экономики, а с другой – сохраняет контроль над финансовой системой и защищает права граждан.

«Предметом посягательства при хищении, как указано в примечании к главе 24 УК РБ, может быть имущество и право на имущество. В уголовном праве под имуществом как предметом преступления представляются вещи материального мира, обладающие натуральными физическими параметрами (числом, количеством, весом и т.п.). Право же на имущество как юридическая категория включает в себя определенные полномочия собственника по владению, пользованию или распоряжению принадлежащим ему имуществом. Выделяя предмет хищения, необходимо отметить, что им является вещь, имеющая определенную экономическую ценность и обладающая потребительской стоимостью (удовлетворяющей определенные потребности человека) и меновой стоимостью (в которой овеществлен человеческий труд)» [10, с. 814].

Интенсивная цифровизация имущественного оборота, расширение сферы безналичных платежей и вовлечение в гражданский оборот криптовалют и токенов ставят перед уголовным законом и практикой его применения новые ориентиры, выходящие за рамки традиционных подходов.

Однако сама логика уголовно-правовых норм заточена под осязаемые вещи и наличные деньги. В силу этого остаётся дискуссионным вопрос о признании предметом хищения безналичных денег или цифровых активов, попадают ли они в перечень возможных объектов преступного завладения.

Особенно остро эта проблема проявляется в контексте ст. 210 (хищение путем злоупотребления служебными полномочиями) и ст. 211 (присвоение либо растрата) Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) [7], где ответственность прямо связана со служебным статусом и полномочиями по управлению вверенным имуществом.

Актуальность корректной квалификации приобретает практическое значение на фоне реального увеличения преступных посягательств на безналичные средства и криптовалюты, причём в числе фигурантов всё чаще оказываются должностные лица и подотчётные работники.

В белорусской судебной практике хищение безналичных денег признается хищением имущества. Предметом хищения может быть имущество, включая деньги, ценные бумаги, а также имущественные права. Безналичные деньги – это имущественные права, следовательно, они могут быть предметом. Цифровые активы, если они признаются имуществом, тоже.

Поступательное развитие науки и техники обуславливает постоянное обновление перечня объектов, приобретающих статус имущества в юридическом смысле, что, в свою очередь, неизбежно расширяет сферу уголовно-правовой охраны отношений собственности и, соответственно, круг предметов хищения.

На практике применение данных положений порождает вопросы, относительно классификации цифровых активов и отнесения к ним определенных финансовых элементов как объектов, защищаемых уголовным законом от преступных посягательств. Иными словами, встает вопрос относительно признания безналичных денежных средств и иных цифровых активов предметом хищений, в частности предусмотренных ст. 210 – 211 УК РБ. Если с безналичными денежными средствами особых вопросов при квалификации не возникает, то с иными цифровыми активами – их достаточно.

Правильно определяя предмет ст. 211 УК РБ, «центральным звеном дифференциации выступает способ воздействия на предмет хищения и момент его окончания» [9, с. 39], также момент окончания преступления, предусмотренного ст. 210 УК РБ, играет важную роль в наличии реальной возможности распоряжаться похищенным имуществом, что показывает значимость точного установления предмета хищения в форме нефинансовых активов [8].

В соответствии с законодательством Республики Беларусь безналичные денежные средства – это денежные средства, которые существуют в виде записей на банковских счетах, вкладах (депозитах), а также электронные деньги. Они не имеют физической формы (банкнот или монет), но признаются законным платёжным средством наравне с наличными деньгами.

Материалы и методы

Теоретическую основу исследования составили положения УК РБ (в частности, статьи 210 «Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями» и 211 «Присвоение либо растрата»), Банковского кодекса Республики Беларусь (далее – БК РБ), Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ), а также Декреты и Указы Президента Республики Беларусь и Законы Республики Беларусь, касающиеся цифровых активов и регулирующие создание, приобретение, владение, хранение, обращение и отчуждение криптовалют. Важное значение для уяснения правовой природы безналичных денежных средств как особого предмета преступлений против собственности имеют нормы гражданского и банковского законодательства, определяющие безналичные денежные средства как записи на счетах в банковских и кредитных учреждениях.

Методологическая основа работы представлена комплексом общенаучных и специально-юридических методов познания. Диалектический метод позволил рассмотреть правовую природу безналичных денежных средств и цифровых активов в их развитии и взаимосвязи с иными объектами гражданского оборота. Методы анализа и синтеза применены для разложения предмета хищения на составляющие признаки и последующего объединения их в целостную уголовно-правовую характеристику. Формально-юридический

(догматический) метод использован для толкования текста закона, выявления признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 210 – 211 УК РБ, и анализа юридических конструкций. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить белорусское законодательство с законодательством других государств в части регулирования оборота и ответственности за хищение цифровых активов. Метод анализа судебной практики применен для изучения конкретных уголовных дел, выявления проблем квалификации и устойчивых подходов правоприменителей. Комплексное применение указанных методов обеспечило всестороннее и системное исследование безналичных денежных средств и иных цифровых активов как предмета хищения по ст. 210 – 211 УК РБ.

Была сделана попытка систематизировать различные элементы цифровых активов и выработать их классификацию по таким критериям, как способ фиксации (записи на счетах, распределённый реестр, токены), степень анонимности, наличие публичной достоверности и объём правомочий владельца, что позволило определить критерии отграничения безналичных денежных средств от иных цифровых активов применительно к объективной стороне хищений, предусмотренных ст. 210–211 УК РБ. Полученная систематизация позволила обосновать, что не все цифровые активы могут быть признаны предметом хищения в смысле ст. 210 – 211 УК РБ, а лишь те, которые обладают свойствами имущества (вещи) или имущественного права в том значении, которое придаётся им гражданским законодательством.

Результаты и обсуждение

Основным нормативным актом, регулирующим данную сферу, является БК РБ [1], а также Закон Республики Беларусь «О платёжных системах и платёжных услугах» [4] и нормативные акты Национального банка Республики Беларусь (далее – НБ РБ). К безналичным денежным средствам в строгом понимании можно отнести следующие.

1. Денежные средства на текущих (расчетных) банковских счетах. Основная категория денег, предназначенная для повседневных расчетов, ведения бизнеса или личного использования. Это средства организаций и индивидуальных предпринимателей, находящиеся на счетах, открытых в банках для осуществления расчётов (зарплата, оплата поставщикам, налоги и т.д.).

2. Денежные средства на вкладных (депозитных) счетах. Средства физических и юридических лиц, размещённые в банках на условиях срочности, возвратности и платности (безотзывные и отзывные вклады: деньги, доступ к которым ограничен сроком договора, либо может быть получен по требованию).

3. Денежные средства на счетах по учету банковских платежных карточек (карт-счетах) (разновидность текущих счетов, управление которыми осуществляется непосредственно с помощью платежной карты).

4. Средства на специальных счетах (безналичные деньги, которые имеют строго целевое назначение, определенное законодательством или договором, и не могут быть потрачены на иные нужды, например, средства для государственных программ, субсидий или спецпошлин).

5. Средства на субсчетах и корреспондентских счетах (например, деньги самих банков, размещенные в НБ РБ или других банках-корреспондентах для проведения расчетов между ними).

6. Средства на счетах бухгалтерского учёта банков, отражающие задолженность перед клиентами (внутренние учётные записи, которые не являются банковскими счетами клиентов, но, по сути, представляют собой безналичные деньги (например, средства в расчётах, средства на транзитных счетах)).

7. Специальные категории (связанные с безналичными деньгами):

- электронные деньги в электронных кошельках (это электронные обязательства банка (эмитента) перед владельцем кошелька). В Беларуси электронные деньги определяются как хранящиеся в электронном виде единицы стоимости, выпущенные эмитентом (банком или небанковской кредитно-финансовой организацией) и принимаемые в качестве средства платежа. Они могут храниться в электронных кошельках (например, EasyPay, WebMoney, belqi и др.). Электронные деньги по своей юридической природе также являются безналичными денежными средствами, хотя и выделяются в отдельную категорию;

- цифровой рубль (ЦРБ): новая (третья) форма белорусского рубля, выпускаемая непосредственно НБ РБ на специальной платформе (активно пилотируется и внедряется в 2024–2026 годах).

Юридически безналичные деньги «живут» в виде записей, а перемещаются между счетами на основании пяти установленных законом форм безналичных расчетов (ст. 231 БК РБ): «расчеты в безналичной форме проводятся в виде банковского перевода (в том числе посредством прямого дебетования счета), денежного перевода, аккредитива, инкассо, банковского платежного обязательства» [1].

В юридической науке и практике Республики Беларусь безналичные деньги рассматриваются не как вещи, а как обязательственные права требования клиента к банку о выдаче наличных или перечислении средств. Это означает, что при хищении безналичных денег фактически похищается не физический объект, а право на имущество (право требования), что имеет значение для квалификации преступлений по ст. 210 – 211 УК РБ.

Важно отличать безналичные денежные средства от цифровых знаков (токенов) и криптовалюты, которые по законодательству Беларуси не являются законным платёжным средством и регулируются отдельно (Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г., № 8 «О развитии цифровой экономики» [5], Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК РБ) [2]). Безналичные деньги эмитируются исключительно уполномоченными финансовыми институтами (НБ, коммерческие банки) и гарантированы государством, тогда как криптовалюты не имеют такого обеспечения и не обязательны к приёму (за некоторыми исключениями, например, Парк высоких технологий (далее – ПВТ)). Таким образом, к безналичным денежным средствам по законодательству Республики Беларусь относятся: деньги на банковских счетах (текущих, депозитных, корреспондентских); электронные деньги в электронных кошельках; деньги, находящиеся в процессе расчётов (на транзитных, клиринговых счетах).

Все они обладают единой правовой природой – являются правами требования к банку, выраженными в цифровой форме, и могут выступать предметом хищения в уголовно-правовом смысле.

В законодательстве Республики Беларусь базовым понятием для всех цифровых активов является термин «цифровой знак (токен)», введенный Декретом Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики». Законом Республики Беларусь от 17.07.2018 № 135-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь» понятие токена интегрировано и в ГК РБ. Дальнейшее законодательное развитие, уточняющие порядок обращения и налогообложения, токен получил в Указе Президента Республики Беларусь от 17.09.2024 № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)» [6]. Термин «цифровые активы» в широком смысле охватывает любые имущественные блага, существующие в цифровой форме. Однако в белорусском законодательстве для их обозначения используется понятие «цифровые знаки (токены)». Таким образом, под иными цифровыми активами (в значении токенизированных финансовых и гражданских прав) в Беларуси представляются цифровые финансовые активы (ЦФА). Это электронная форма привычных инвестиционных инструментов, реализованная в виде записей в блокчейне с помощью смарт-контрактов. Они удостоверяют права на получение реальных материальных или нематериальных ценностей.

По закону все цифровые активы в Беларуси – это «цифровые знаки (токены)», которые определяются как запись в блокчейне, удостоверяющая наличие прав на объекты гражданских прав и (или) являющаяся криптовалютой.

Проанализировав различные формы взаимодействия в сфере цифровых активов можно выделить следующие.

1. Криптовалюты (универсальные средства обмена). Это вид цифрового знака (токена), используемый как средство обмена и (или) накопления стоимости. Важно: криптовалюта в Беларуси признается цифровым активом, но не является законным средством платежа на территории Беларуси за исключением отдельных операций (например, в ПБТ). Вы не можете рассчитаться ею в обычном магазине. Криптовалюта основана на технологии распределённого реестра (блокчейн). Пример: Биткоин (Bitcoin), Эфириум (Ethereum), Лайткоин (Litecoin) или стейблкоины (например, USDT), которые физлица могут легально покупать, хранить, менять и продавать за белорусские рубли или иностранную валюту через официальных резидентов ПБТ (белорусские криптобиржи и обменники). В целях обеспечения благоприятных условий для развития в Республике Беларусь инновационной сферы и расширения спектра финансовых услуг в процессе построения современной цифровой экономики Указом Президента Республики Беларусь от 16.01.2026 № 19 «О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов)» утверждается Положение, регулирующее отношения, связанные с деятельностью криптобанков [3].

2. Иные цифровые знаки (токены).

Помимо криптовалюты, к цифровым знакам относятся иные токены, которые могут удостоверять различные имущественные права или предоставлять доступ к товарам, услугам, капиталу. К ним, в частности, относятся:

- утилитарные токены (utility tokens) – дают право на получение определённых товаров, работ или услуг, скидок, бонусов в рамках конкретной платформы;
- инвестиционные токены (security tokens) – удостоверяют права на долю в капитале, участие в прибыли, получение дивидендов, аналогичны цифровым ценным бумагам;

- токены, удостоверяющие иные имущественные права (например, право требования, право пользования имуществом);

- невзаимозаменяемые токены (NFT) – уникальные цифровые активы, которые подтверждают право собственности на конкретный объект (цифровое искусство, игровые предметы, виртуальная недвижимость и т.п.).

Разновидностями этой группы являются:

- токенизированные долговые обязательства (долговые токены). Цифровой аналог облигаций или договоров займа. Компания выпускает цифровые знаки, чтобы привлечь финансирование, а инвесторы покупают их ради фиксированного дохода;

- токенизированные акции (активы участия) (цифровые права, дающие возможность получать дивиденды или участвовать в росте стоимости бизнеса, привязанные к реальному фондовому рынку);

- неприкосновенные цифровые права (утилитарные и арт-токены, NFT) (записи в блокчейне, удостоверяющие право на получение уникального цифрового продукта, услуги или объекта интеллектуальной собственности).

Все перечисленные категории токенов отнесены к объектам гражданских прав и включены в имущественный оборот, что допускает их отчуждение, передачу, наследование, а также совершение с ними сделок без специальных ограничений.

Необходимо учитывать, что электронные деньги также являются цифровым активом, однако их регулирование осуществляется специальными нормативными правовыми актами – БК РБ и Законом Республики Беларусь от 19.04.2022 № 164-З «О платёжных системах и платёжных услугах» [4]. Это хранящиеся в электронном виде единицы стоимости, выпущенные эмитентом (банком или небанковской кредитно-финансовой организацией) и принимаемые в качестве средства платежа. Электронные деньги по своей правовой природе ближе к безналичным денежным средствам, но могут рассматриваться как отдельная разновидность цифровых активов. На взгляд автора, их рациональнее отнести все же к специальной категории безналичных денежных средств.

В Беларуси оборот цифровых активов поставлен в жесткие правовые рамки. Согласно нормам Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017, № 8 «О развитии цифровой экономики» и Указа Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024, № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)», любые операции с токенами легитимны исключительно в периметре ПВТ. Площадки-резиденты ПВТ выступают единственным законным оператором для купли-продажи и обмена. Любые попытки P2P-транзакций вне бирж, особенно на зарубежных нерегулируемых ресурсах, квалифицируются как нарушение с применением финансовых санкций и изъятием полученной выручки. Кроме того, законодательное поле полностью исключает использование цифровых денег в качестве платежного средства за товары или услуги внутри страны – выставление счета в криптовалюте на территории Беларуси является прямым нарушением.

Цифровые знаки (токены) квалифицируются в белорусском законодательстве как оборотоспособные имущественные права, объективированные в электронной (цифровой) среде. На них распространяется режим гражданско-правовой охраны, присущий объектам права собственности. Вместе с тем распорядительные действия с токенами допускаются

лишь через посредничество резидентов ПБТ, включая криптобиржи, обменные пункты и операторов криптоплатформ, которые выступают единственными легальными проводниками таких сделок.

Цифровой актив может рассматриваться как предмет присвоения, растраты и хищения путем злоупотребления служебными полномочиями при наличии по меньшей мере двух условий. Во-первых, он должен обладать самостоятельной имущественной ценностью, признаваемой оборотом и правом. Во-вторых, преступное деяние должно быть направлено именно на его противоправное обращение в пользу виновного или иных лиц. При наличии этих признаков цифровая форма существования имущества не исключает его включения в предметную сферу преступлений против собственности.

Иная ситуация складывается тогда, когда преступник, обладая правами по владению или пользованию вверенным имуществом либо используя свои служебные полномочия, первоначально завладевает не цифровым активом, а денежными средствами или иным традиционным имуществом, а уже затем использует цифровой контур для дальнейшего движения похищенного. В этом случае цифровой актив не образует предмет преступлений, предусмотренный ст. 210 – 211 УК РФ в строгом смысле, но становится инструментом посткриминального движения имущества. Он становится цифровым активом как инструментом сокрытия и вывода похищенного.

Дифференциация функций цифровых активов как предмета хищения и как инструмента (предметная и инструментальная роль цифрового актива) его совершения представляет не только теоретический, но и прикладной интерес. В первую очередь от такого разграничения зависит определение признаков объективной стороны состава преступления. В случаях, когда посягательство направлено на цифровую валюту или цифровой финансовый актив, данные объекты должны быть прямо обозначены как имеющие имущественную ценность. Если имущественная природа объекта не зафиксирована, предмет доказывания становится неопределённым.

Таким образом, установление предметной принадлежности цифрового актива при квалификации присвоения (или растраты или хищения путем злоупотребления полномочиями) должно проходить двухступенчатый тест на имманентность стоимости. Первая ступень – критерий оборотоспособности: актив признается объектом гражданского оборота, что подтверждает его объективную ценность вне зависимости от материального носителя. Вторая ступень – критерий прямой объектной направленности: противоправное деяние должно быть имманентно направлено на переход права на данный конкретный токен (коин). Только при таком подходе цифровая форма существования превращается из технической характеристики в юридически значимое свойство предмета.

Зеркальным образом выглядит ситуация, где цифровой контур встраивается в механизм уже завершённого хищения. Здесь разрыв между моментом завладения (традиционный объект) и моментом конвертации (цифровой объект) носит определяющий характер. Такой актив обретает статус факультативного признака, относящегося к способу сокрытия, но не к объективной стороне основного состава. Строго говоря, при квалификации по ст. 210–211 УК РФ данный феномен не образует ни предмета, ни орудия преступления, а выступает в роли средства криминального менеджмента – технологического анклава для вывода похищенного из-под налогового и банковского контроля.

Практическая проекция данного разграничения наглядна в аспекте доказывания. Признание актива предметом обязывает сторону обвинения устанавливать его рыночную стоимость на момент деяния и факт перехода контроля над приватными ключами.

Признание же актива инструментом сокрытия смещает фокус доказывания на установление источников происхождения фиатных средств, превращенных в криптовалюту, что требует иного набора экспертиз. Смещение этих двух модулей доказывания ведет к процессуальной неопределенности и, как следствие, к неполноте судебного следствия.

Таким образом, в контексте цивилистической доктрины наблюдается нивелирование различий между безналичными фиатными средствами и цифровыми активами: оба явления объективируются не в вещной, а в обязательственно-правовой плоскости, что позволяет квалифицировать их в качестве единого родового объекта противоправного посягательства – имущественных прав, обладающих стоимостным эквивалентом. С точки зрения уголовно-правовой квалификации, детерминирующим признаком для признания токенов (цифровых знаков) предметом преступления, включая составы, предусмотренные ст. 210 и 211 УК РБ, выступает их экономическая сущность (наличие ликвидной стоимости) в совокупности с возможностью деликтного способа перехода права собственности, то есть фактического безвозмездного изъятия из легального владения субъекта.

Заключение

Проведённый анализ позволяет констатировать, что безналичные денежные средства и цифровые активы (криптовалюта, токены) имеют принципиально различную юридическую природу: первые являются правом требования к банку, вторые – цифровыми знаками, легитимированными законодательством. Отсутствие в уголовном законодательстве единого понятия «имущество» и чёткого указания на данные объекты как на предмет хищения порождает правовую неопределённость: хищение безналичных средств в судебной практике иногда квалифицируют по ст. 212 УК РБ, а не по ст. 210 – 211 УК РБ (при наличии определенного субъекта), а посягательства на цифровые активы фактически рассматриваются по аналогии, что нарушает принцип определённости уголовного закона и создаёт трудности для единообразной правоприменительной практики.

Прикладной вывод из предложенной дифференциации сводится к следующему: стадия квалификации и доказывания по делам о служебных хищениях должна непременно содержать функциональную характеристику цифрового актива.

Решающим здесь является не технологический статус объекта, а его роль в механизме завладения – предметная (непосредственный объект присвоения) или инструментальная (средство маскировки и перевода уже похищенного имущества).

Соблюдение этого методологического правила обеспечивает не только формальную точность применения уголовного закона, но и содержательную согласованность юридической оценки с экономической сущностью операций в цифровой среде, что особенно актуально в условиях формирующейся практики расследования подобных дел в Республике Беларусь.

В целях устранения правовых пробелов предлагается дополнить примечание к главе 24 УК РБ прямым указанием на безналичные денежные средства, электронные деньги и цифровые активы как возможные предметы хищения, дать соответствующее разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь о применении судами

законодательства по делам о хищениях, а также рассмотреть возможность введения специальных составов для противоправного завладения цифровыми активами, чтобы исключить применение аналогии и обеспечить защиту прав граждан и организаций в условиях развития цифровой экономики.

Список литературы

1. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 25 октября 2000,-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2025 № 110-3 // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – 2025. – № 441. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk0000441> (дата обращения: 23.08.2026).
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998, № 218-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 16.03.2026 № 134-3 // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9800218> (дата обращения: 23.08.2026).
3. О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов) [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 16 января // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – 2026. – № 19. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=p32600019> (дата обращения: 23.08.2026).
4. О платежных системах и платежных услугах [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 19 апреля 2022,-3 // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – 2022. – № 164. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h12200164> (дата обращения: 23.08.2026).
5. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс]: Декрет Президента Республики Беларусь, 21 декабря // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – 2017. – № 8. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=pd1700008> (дата обращения: 23.08.2026).
6. Об обращении цифровых знаков (токенов) [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 17 сентября // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – 2024. – № 367. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=p32400367> (дата обращения: 23.08.2026).
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999, № 275-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.10.2025 № 101-3 // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900275> (дата обращения: 23.08.2026).
8. Шепелев, И.В. Злоупотребление служебными полномочиями как форма хищения: теоретические и практические аспекты дифференциации (ст. 210 УК Республики Беларусь) / И.В. Шепелев // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по материалам СІХ междунар. науч.-практ. конф. – 2026. – № 8 (108).

9. Шепелев, И.В. Присвоение и растрата как формы хищения: теоретические и практические аспекты дифференциации (ст. 211 УК Республики Беларусь) / И.В. Шепелев // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: сб. ст. по материалам СХ междунар. науч.-практ. конф. – 2026. – № 8 (109).
10. Шепелев, И.В. Юридическая характеристика некоторых признаков предмета хищения имущества в уголовном законодательстве Республики Беларусь / И.В. Шепелев // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 года). – 2011.

References

1. Bankovskii kodeks Respubliki Belarus' [Banking Code of the Republic of Belarus] [Electronic resource]: 25 October 2000,: as amended by the Law of the Republic of Belarus dated 09.12.2025 No. 110-Z // ETALON-ONLINE / National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus. – 2025. – No. 441. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk0000441> (accessed: 23.08.2026). (In Russ.)
2. Grazhdanskii kodeks Respubliki Belarus' [Civil Code of the Republic of Belarus] [Electronic resource]: 7 December 1998, No. 218-Z: as amended by the Law of the Republic of Belarus dated 16.03.2026 No. 134-Z // ETALON-ONLINE / National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus. – 2026. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9800218> (accessed: 23.08.2026). (In Russ.)
3. O kriptobankakh i otdel'nykh voprosakh kontrolya v sfere tsifrovyykh znakov (tokenov) [On crypto banks and certain issues of control in the sphere of digital signs (tokens)] [Electronic resource]: Decree of the President of the Republic of Belarus, 16 January 2026. ETALON-ONLINE / National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus. 2026. – No. 19. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=p32600019> (accessed: 23.08.2026). (In Russ.)
4. O platezhnykh sistemakh i platezhnykh uslugakh [On payment systems and payment services] [Electronic resource]: Law of the Republic of Belarus, 19 April 2022,-Z. ETALON-ONLINE / National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus. 2022. – No. 164. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h12200164> (accessed: 23.08.2026). (In Russ.)
5. O razvitii tsifrovoi ekonomiki [On the development of the digital economy] [Electronic resource]: Decree of the President of the Republic of Belarus, 21 December 2017. ETALON-ONLINE / National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus. 2017. – No. 8. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=pd1700008> (accessed: 23.08.2026). (In Russ.)
6. Ob obrashchenii tsifrovyykh znakov (tokenov) [On the circulation of digital signs (tokens)] [Electronic resource]: Decree of the President of the Republic of Belarus, 17 September 2024. ETALON-ONLINE / National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus. 2024. – No. 367. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=p32400367> (accessed: 23.08.2026). (In Russ.)

7. Ugolovnyi kodeks Respubliki Belarus' [Criminal Code of the Republic of Belarus] [Electronic resource]: 9 July 1999, No. 275-Z: as amended by the Law of the Republic of Belarus dated 20.10.2025 No. 101-Z // ETALON-ONLINE / National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus. – 2025. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900275> (accessed: 23.08.2026). (In Russ.)
8. Shepelev I.V. [Abuse of official powers as a form of embezzlement: theoretical and practical aspects of differentiation (Art. 210 of the Criminal Code of the Republic of Belarus)]. In: Aktual'nye problemy yurisprudentsii: sb. st. po materialam CIX mezhdunar. nauch.-prakt. konf. No. 8 (108). 2026. No. 8. (In Russ.)
9. Shepelev I.V. [Misappropriation and embezzlement as forms of theft: theoretical and practical aspects of differentiation (Art. 211 of the Criminal Code of the Republic of Belarus)]. In: Teoreticheskie aspekty yurisprudentsii i voprosy pravoprimeneniya: sb. st. po materialam CX mezhdunar. nauch.-prakt. konf. No. 8 (109). 2026. No. 8, P. 36–45. (In Russ.)
10. Shepelev I.V. [Legal characteristics of certain features of the subject of property theft in the criminal legislation of the Republic of Belarus]. In: Ugolovnoe pravo: istoki, realii, perekhod k ustoichivomu razvitiyu: materialy VI Rossiiskogo kongressa ugolovnogo prava (26–27 May 2011). 2011, P. 813–816. (In Russ.)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Статья поступила в редакцию: 19.09.2026

Статья принята к публикации: 25.09.2026

Статья опубликована: 01.10.2026

УДК 34:004

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.144.10.23457

Эволюция правового статуса информационных технологий в Российской Федерации: от концепции к цифровой реальности

Васильева Полина Вячеславовна

магистрант кафедры

Теория и история государства и права, Донской государственный технический университет

Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону

E-mail: vaspolyach@yandex.ru

Артюхин Олег Александрович

канд. полит. наук, доц.

кафедры Теория и история государства и права, Донской государственный технический

университет

Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону

Evolution of the legal status of information technologies in the Russian Federation: from concept to digital reality

Vasilyeva Polina Vyacheslavovna

Master's student at the Department of Theory and History of State and Law, Don State Technical

University (DSTU)

Russia, Rostov-on-Don

Artyukhin Oleg Alexandrovich

candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of

State and Law

DSTU

Russia, Rostov-on-Don

Аннотация

Цель исследования – установить основные направления эволюции правового статуса информационных технологий в Российской Федерации и определить, каким образом переход от информационного общества к цифровой экономике изменил место технологии в механизме правового регулирования. Методология включает формально-юридический, системный, историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также функциональный

Библиографическое описание: Васильева П.В., Артюхин О.А. Эволюция правового статуса информационных технологий в Российской Федерации: от концепции к цифровой реальности // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2026. 10(144). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/23457>

анализ действующих нормативных конструкций. Установлено, что российская модель прошла несколько взаимосвязанных этапов: первоначальное закрепление информационных технологий как инструментов обработки и передачи информации; формирование инфраструктурного и стратегического подхода; признание юридически значимых цифровых объектов и действий внутри информационных систем; переход к адаптивному регулированию искусственного интеллекта и иных цифровых инноваций. Установлено, что современный правовой статус технологии не сводится к режиму технического средства: технология одновременно выступает средой реализации субъективных прав, элементом юридического факта, инфраструктурой публичного управления и фактором распределения регулятивных полномочий между государством и цифровыми платформами. Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития технологически нейтральных норм, сочетаемых со специальными режимами для высокорисковых технологий. Практическая значимость исследования состоит в формулировании критериев, позволяющих разграничивать случаи, когда право должно регулировать результат применения технологии, и ситуации, в которых необходимы требования к самой архитектуре цифровой системы.

Abstract

The purpose of the study is to identify the main directions in the evolution of the legal status of information technologies in the Russian Federation and to determine how the transition from the information society to the digital economy has changed the role of technology within the legal regulatory mechanism. The methodology combines formal legal, systemic, historical legal and comparative legal methods with a functional analysis of current regulatory structures. The study establishes that the Russian model has passed through several interconnected stages: the initial recognition of information technologies as tools for processing and transmitting information; the formation of an infrastructural and strategic approach; the recognition of legally significant digital objects and actions performed within information systems; and the transition toward adaptive regulation of artificial intelligence and other digital innovations. It is demonstrated that the current legal status of technology cannot be reduced to that of a technical instrument. Technology simultaneously serves as an environment for exercising subjective rights, an element of legally relevant facts, an infrastructure of public administration and a factor redistributing regulatory powers between the state and digital platforms. The study concludes that further development should combine technologically neutral rules with special regimes for high-risk technologies. Its practical significance lies in criteria for distinguishing regulation of technological outcomes from requirements imposed on digital system architecture itself.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровое право, цифровые права, искусственный интеллект, экспериментальный правовой режим, персональные данные, цифровая трансформация.

Keywords: information technologies, digital law, digital rights, artificial intelligence, experimental legal regime, personal data, digital transformation.

Введение

Правовое регулирование информационных технологий в России развивалось как последовательное усложнение юридических режимов. Базовая конструкция Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ определяет информационные технологии через процессы и методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации [9]. Тем самым исходная модель строилась вокруг технологии как средства работы с информацией. По мере цифровизации гражданского оборота и публичного управления предмет регулирования расширился, так, право стало учитывать информационную систему как среду, в которой совершаются юридически значимые действия.

Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы закрепила инфраструктурный подход, связав данные, сети и цифровые технологии с задачами общественного и экономического развития [6]. В.В. Архипов рассматривает интернет-право как специальную дисциплину, изучающую отношения различной отраслевой принадлежности, реализуемые посредством сети Интернет [1]. Эта позиция позволяет сформулировать рабочую гипотезу: цифровая среда не образует полностью изолированную сферу права, а изменяет способы возникновения и осуществления уже известных прав и обязанностей. Цель статьи – выявить этапы такой эволюции и определить критерии, при которых технология превращается из технического средства в юридически значимый элемент правоотношения.

Материалы и методы

Материал исследования составили нормы гражданского и информационного законодательства, стратегические акты в сфере информационного общества и искусственного интеллекта, а также научные работы. Ключевое значение имеют статья 141.1 ГК РФ о цифровых правах [4], Федеральные законы от 27.07.2006 № 149-ФЗ [9], от 27.07.2006 № 152-ФЗ [8] и от 31.07.2020 № 258-ФЗ об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций [10], а также Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 [7].

Формально-юридический метод применялся для установления содержания действующих норм, историко-правовой – для выявления изменения регулятивной функции технологии, системный – для сопоставления частноправовых и публично-правовых механизмов. Научные позиции использовались критически. И.Ю. Богдановская и соавторы обосновывают межотраслевой характер проблем искусственного интеллекта [2, с. 278], а Ю.С. Харитонов подчеркивает взаимодействие государственного регулирования, договорных правил платформ и «мягкого права» [11, с. 66]. На этой основе технология анализируется в четырех функциях: технического средства, юридической среды, инфраструктуры и объекта управления рисками.

Результаты и обсуждение

Первый результат состоит в переходе от инструментальной к функциональной модели. Закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ сохраняет технологически нейтральное определение информационных технологий [9], что делает общую норму устойчивой к смене конкретных программных решений. Однако в цифровом обороте система способна не только передавать информацию, но и определять допустимую форму действия, последовательность операций и момент юридического результата. Наиболее отчетливо это проявляется в статье 141.1 ГК РФ: осуществление и распоряжение цифровым правом происходят в информационной системе по установленным ею правилам [4]. Следовательно, архитектура системы становится частью механизма реализации субъективного права. А.А. Волос связывает цифровизацию с трансформацией принципов гражданского права [3]; представляется, что речь идет не об отказе от автономии воли и добросовестности, а о необходимости проверять, обеспечивает ли цифровая среда их реальное осуществление. Следовательно, юридическая значимость технологии определяется ее способностью программно влиять на возникновение, осуществление или прекращение прав и обязанностей.

Второй результат связан с формированием инфраструктурного и риск-ориентированного регулирования. Стратегия развития информационного общества рассматривает технологии во взаимосвязи с данными и информационной инфраструктурой [6]. А.К. Жарова выделяет правовое регулирование создания и использования такой инфраструктуры как самостоятельный пласт информационного права [5]. Одновременно Закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ устанавливает пределы обработки персональных данных [8], что приобретает особое значение для систем машинного обучения. Обновленная в 2024 году Национальная стратегия развития искусственного интеллекта ориентирует регулирование на развитие и внедрение доверенных технологий ИИ [7]. В результате право постепенно охватывает не только факт использования цифрового инструмента, но и условия доступа к данным, проектирования и эксплуатации системы.

Межотраслевой характер искусственного интеллекта, отмеченный И.Ю. Богдановской и соавторами [2, с. 278], не требует признания технологии самостоятельным субъектом права. Более последовательна модель распределенной ответственности, при которой обязанности закрепляются за разработчиком, владельцем, оператором или пользователем в зависимости от фактического контроля над риском. Дополнительным механизмом выступают экспериментальные правовые режимы по Федеральному закону от 31.07.2020 № 258-ФЗ [10]. Их значение состоит в возможности ограниченно апробировать цифровую или технологическую инновацию до распространения соответствующего решения. Таким образом, современная модель сочетает общие технологически нейтральные нормы, специальные требования и контролируемый правовой эксперимент.

Третий результат касается фактической нормативности цифровой архитектуры. Ю.С. Харитонов указывает, что операторы цифровых платформ способны устанавливать правила поведения для широкого круга пользователей [11, с. 66]. Программный код в таком случае не является нормативным актом, но фактически ограничивает набор доступных действий. Поэтому технологическая нейтральность законодательства не должна означать безразличие к устройству системы. Если цифровое решение влияет на идентификацию лица,

обработку персональных данных, содержание волеизъявления, доступ к праву или возможность обжалования автоматизированного решения, к его функционированию необходимы юридические требования.

Перспективным критерием является функциональная эквивалентность: цифровой способ взаимодействия допустим постольку, поскольку обеспечивает сопоставимый с нецифровым способом уровень информированности, доказуемости, безопасности и возможности защиты права. Поэтому, вывод состоит в том, что эволюция правового статуса информационных технологий выражается в переходе от регулирования операций с информацией к регулированию цифровой среды как институционального пространства, способного определять фактические пределы поведения участника.

Заключение

Правовой статус информационных технологий в Российской Федерации сформировался как многоуровневая конструкция. Общие нормы рассматривают технологию как способ работы с информацией; стратегические акты связывают ее с цифровой инфраструктурой; гражданское законодательство признает случаи, когда правила информационной системы непосредственно участвуют в осуществлении права; регулирование искусственного интеллекта, персональных данных и экспериментальных режимов формирует риск-ориентированный уровень.

Поэтому юридическая значимость технологии определяется не степенью технической новизны, а ее функцией в правоотношении. Если система лишь хранит или передает сведения, достаточны общие информационно-правовые требования. Если архитектура определяет юридически значимый выбор, доступ к праву, идентификацию, обращение цифрового объекта либо автоматизированное решение, необходимы дополнительные гарантии прозрачности, контроля и распределения ответственности. Поэтому дальнейшее развитие законодательства целесообразно строить на сочетании технологической нейтральности, специальных требований к повышенному риску и правового эксперимента. Такой подход позволяет сохранять устойчивость права, не допуская подмены юридических гарантий фактическими правилами цифровой системы.

Список литературы

1. Архипов В.В. Интернет-право: учебник для вузов / В.В. Архипов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 254 с.
2. Богдановская И.Ю., Васякина Е.В., Волос А.А., Данилов Н.А., Егорова Е.В., Калятин В.О., Карпенко О.И., Салихов Д.Р. Искусственный интеллект и право // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 17, № 4.
3. Волос А.А. Трансформация теории принципов гражданского права в современных условиях цифровизации общества: монография / А.А. Волос. – Москва: Проспект, 2024. – 184 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994-ФЗ: ред. от 10.06.2026. [Электронный ресурс]. – № 51. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.09.2026).

5. Жарова А.К. Информационное право. Правовое регулирование создания и использования информационной инфраструктуры: учебник для вузов / А.К. Жарова. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 300 с.
6. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс]. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201705100002> (дата обращения: 18.09.2026).
7. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019: ред. от 15.02.2024: вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – № 490. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 18.09.2026).
8. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006-ФЗ: ред. от 26.07.2026 [Электронный ресурс]. – № 152. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 18.09.2026).
9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006-ФЗ: ред. от 26.06.2026: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026 [Электронный ресурс]. – № 149. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 18.09.2026).
10. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020-ФЗ: ред. от 26.06.2026. [Электронный ресурс].. – № 258. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 18.09.2026).
11. Харитонов Ю.С. Автономия цифровых платформ генеративного искусственного интеллекта в регулировании отношений с пользователями // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 8 (165).

References

1. Arkhipov V.V. Internet Law: textbook for university students. – 2nd ed., revised and supplemented. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 254 P.
2. Bogdanovskaya I.Yu., Vasyakina E.V., Volos A.A., Danilov N.A., Egorova E.V., Kalyatin V.O., Karpenko O.I., Salikhov D.R. Artificial Intelligence and Law // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2024. – Vol. 17, No. 4.
3. Volos A.A. Transformation of the Theory of Civil Law Principles in the Modern Conditions of Society Digitalization: monograph. – Moscow: Prospekt, 2024. – 184 P.
4. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994-FZ: as amended on 10.06–2026. – No. 51. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: 18.09.2026).

5. Zharova A.K. Information Law. Legal Regulation of the Creation and Use of Information Infrastructure: textbook for university students. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 300 P.
6. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation dated 09.05.2017 No. 203 – URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201705100002> (accessed: 18.09.2026).
7. On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019: as amended on 15.02.2024: together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to – 2030. – No. 490. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (accessed: 18.09.2026).
8. On Personal Data: Federal Law dated 27.07.2006-FZ: as amended on 26.07 // Federal Law-FZ. – 2026. – No. 152 – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed: 18.09.2026).
9. On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law dated 27.07.2006-FZ: as amended on 26.06.2026: with amendments and supplements effective from 01.09 – No. 149. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed: 18.09.2026).
10. On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation: Federal Law dated 31.07.2020-FZ: as amended on 26.06– – 2026. – No. 258. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (accessed: 18.09.2026).
11. Kharitonova Yu.S. Autonomy of Generative Artificial Intelligence Digital Platforms in Regulating Relations with Users // Actual Problems of Russian Law. – 2024. – Vol. 19, No. 8 (165).

Статья поступила в редакцию: 31.08.2026

Статья принята к публикации: 07.09.2026

Статья опубликована: 01.10.2026

УДК 347.96+340.12+004.89

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.144.10.23385

Делиберативное формирование судебной власти и прокурорского надзора в условиях международной цифровой трансформации

Мороз Сергей Александрович

магистр права, соискатель

Ташкентский государственный юридический университет

Республика Узбекистан, г. Ташкент

E-mail: lawrusmoro@mail.ru

Рахимова Муаттара Абдусаттаровна

д-р юрид. наук, проф.

Ташкентский государственный юридический университет

Республика Узбекистан, г. Ташкент

Мамадаюпова Василя Шоназаровна

преподаватель

иностранных языков, Ташкентский государственный юридический университет

Республика Узбекистан, г. Ташкент

Махаммаджанов Голибжон Махаммаджан угли

д-р филос. (PhD)

по политическим наукам, Ташкентский государственный юридический университет

Республика Узбекистан, г. Ташкент

Матенов Рашид Бекимбетович

д-р филосо. (PhD)

по педагогическим наукам, Ташкентский государственный юридический университет

Республика Узбекистан, г. Ташкент

Библиографическое описание: Делиберативное формирование судебной власти и прокурорского надзора в условиях международной цифровой трансформации // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. Мороз С.А. [и др.]. 2026. 10(144). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/23385>

Deliberative Formation of the Judiciary and Prosecutorial Supervision in the Context of International Digital Transformation

Moroz Sergey Aleksandrovich

master of Laws, PhD Candidate

Tashkent State University of Law

Republic of Uzbekistan, Tashkent

Rahimova Muattara Abdusattarovna

professor

doctor of Law, Tashkent State University of Law

Republic of Uzbekistan, Tashkent

Mamadayupova Vasilya Shonazarovna

Foreign Language Teacher,

Tashkent State University of Law,

Republic of Uzbekistan, Tashkent

Makhammadzhanov Golibjon Makhammadzhan Ugli

PhD in Political Science

Tashkent State University of Law

Republic of Uzbekistan, Tashkent

Matenov Rashid Bekimbetovich

PhD

in Pedagogical Sciences Tashkent State University of Law

Republic of Uzbekistan, Tashkent

Аннотация

Статья посвящена разработке делиберативной модели подготовки, формирование судебной власти и прокурорского надзора в условиях цифровой трансформации. Актуальность исследования обусловлена увеличением объема нормативной, судебной и научной информации, развитием цифровых технологий и необходимостью формирования способности самостоятельно анализировать правовые проблемы, оценивать доказательства, сопоставлять различные правовые позиции и обосновывать профессиональные решения с учетом внешних условий. Авторы предлагают образовательную и социальную модель, объединяющую современные педагогические технологии, сравнительное правоведение, юридические методы решения споров, анализ реальных правовых дел, открытую академическую дискуссию и инструменты искусственного интеллекта. Центральным элементом модели является делиберативный подход, при котором правовые гипотезы и аргументы подвергаются последовательной критической проверке участниками образовательного процесса. Особое внимание уделяется применению программно-аналитических нейронных систем для обработки значительных массивов законодательства, судебной практики и научной информации. Искусственный интеллект рассматривается как инструмент интеллектуальной поддержки, не заменяющий судью, прокурора, преподавателя или исследователя и не осуществляющий окончательную юридическую оценку. Обосновывается положение о том, что делиберативная подготовка способна способствовать формированию профессиональных компетенций, необходимых для объективного судебного рассмотрения дел, осуществления прокурорского надзора за соблюдением законности и повышения качества юридической аргументации. Отдельные элементы предлагаемого подхода апробировались в образовательном процессе Ташкентского государственного юридического университета.

Abstract

The article develops a deliberative model for training lawyers for the judiciary and prosecutorial supervision in the context of digital transformation. The relevance of the study is determined by the growing volume of legislative, judicial and academic information, the development of digital technologies, and the need to equip future lawyers with the ability to independently analyse legal issues, assess evidence, compare competing legal positions, and substantiate professional decisions. The authors propose an educational model integrating contemporary pedagogical technologies, comparative law, real-case analysis, open academic discussion, and artificial intelligence tools. The central element of the model is a deliberative approach in which legal hypotheses and arguments are subjected to systematic critical examination by participants in the educational process. Particular attention is paid to the use of software-based analytical neural systems for processing large volumes of legislation, judicial practice, and academic information. Artificial intelligence is regarded as a tool for intellectual support that does not replace judges, prosecutors, educators, or researchers and does not perform the final legal assessment. The article argues that deliberative legal training can contribute to developing professional competencies required for objective judicial proceedings, effective prosecutorial supervision over compliance with the law, and improved legal reasoning. Individual elements of the proposed approach have been tested in the educational process at Tashkent State University of Law.

Ключевые слова: судебная власть, прокурорский надзор, юридическое образование, делиберативное образование, судебная практика, юридическая аргументация, искусственный интеллект, нейронные системы, сравнительное правоведение, цифровизация правосудия, академическая дискуссия.

Keywords: judiciary, prosecutorial supervision, legal education, deliberative education, judicial practice, legal reasoning, artificial intelligence, neural systems, comparative law, digitalization of justice, academic discussion.

Введение

Развитие цифровых технологий существенно изменяет условия профессиональной юридической деятельности. Увеличение объема законодательства, судебных актов, материалов правоприменительной практики и научных доктрин создает новые возможности для анализа, но одновременно повышает требования к профессиональной подготовке юриста и обуславливает необходимость повышения качества правосудия на основе объективных критериев эффективности.

Особенно значимо это для судебной власти и прокурорского надзора, где качество деятельности связано с объективной оценкой фактических обстоятельств, доказательств, правовых норм и аргументов участников правоотношений.

В этих условиях юридическое образование не может ограничиваться передачей обучающимся готовых знаний. Подготовка специалистов для судебной и прокурорской деятельности должна формировать способность самостоятельно исследовать правовую проблему, сопоставлять различные позиции, выявлять противоречия, проверять

достоверность информации и обосновывать собственные выводы. Поэтому необходима образовательная модель, в которой научная и профессиональная дискуссия становится механизмом формирования юридического мышления.

Отдельной проблемой цифровой трансформации судебной деятельности является разрыв между технологическими возможностями современной юридической аналитики и фактической организацией работы суда. Цифровые инструменты позволяют исследовать большие массивы судебной практики, выявлять повторяющиеся правовые позиции, сопоставлять обстоятельства дел и анализировать взаимосвязь отдельных правовых единиц. Однако судебные документы во многих случаях продолжают формироваться преимущественно по традиционным шаблонным моделям. При этом воспроизводятся ранее сформированные конструкции, тогда как системное исследование правовых единиц, логики аргументации и связи между установленными обстоятельствами и примененными нормами остается недостаточно развитым.

Проблема усугубляется отсутствием эффективного механизма постоянной аналитической проверки качества судебных актов, позволяющего выявлять устойчивые логические, правовые и методологические отклонения без вмешательства в независимость судьи. В результате судебное сообщество преимущественно самостоятельно оценивает собственную профессиональную практику, что ограничивает внешнюю проверяемость качества правосудия. С точки зрения предлагаемой концепции это может рассматриваться как проявление высокой социальной энтропии правовой системы, при которой профессиональные позиции не всегда проходят сопоставимую и независимую аналитическую проверку. Высокий уровень общественного недоверия к судебной власти может служить дополнительным индикатором необходимости объективной оценки судебной деятельности.

Научные институты и специализированные научно-аналитические центры, включая создаваемые при высших образовательных и научно-исследовательских учреждениях экспертно-аналитические структуры, не вмешиваются в рассмотрение конкретных судебных дел и не осуществляют правосудие. Их функция заключается в независимой научно-технологической оценке судебных актов, формирующих правоприменительную практику, с использованием современных методов правового анализа, обработки данных и технологий искусственного интеллекта. Такая деятельность направлена на выявление общих тенденций правоприменения, системных проблем и факторов, способных влиять на эффективность реализации принципов законности, обоснованности и единообразия судебной практики.

В рамках данной концепции результаты научно-аналитического исследования могут использоваться в качестве дополнительного информационного инструмента для совершенствования механизмов профессионального анализа судебной деятельности. При этом любые выводы, полученные с применением цифровых технологий и алгоритмов искусственного интеллекта, носят исключительно рекомендательный характер и подлежат обязательной юридической оценке компетентными субъектами.

В целях повышения объективности анализа судебной практики авторами предлагается рассмотреть возможность создания специализированных научно-аналитических центров мониторинга судебной деятельности, функционирующих при образовательных и научных учреждениях. При выявлении существенных статистических, логических или

методологических отклонений такие центры вправе направлять подготовленные аналитические заключения в органы судейского сообщества либо председателям соответствующих судов для последующего изучения в пределах действующего законодательства. К таким заключениям могут прилагаться результаты аналитической обработки данных, включая материалы, полученные с использованием технологий искусственного интеллекта, содержащие сведения о выявленных аномалиях, нетипичных закономерностях или иных обстоятельствах, требующих дополнительного профессионального изучения.

При этом результаты подобного анализа не являются доказательством незаконности судебного акта, не устанавливают виновность судьи и не могут служить самостоятельным основанием для привлечения кого-либо к юридической ответственности. Их назначение заключается исключительно в формировании дополнительной научно-аналитической информации, способствующей совершенствованию правоприменительной практики и повышению качества правосудия.

Авторами предлагается рассмотреть возможность создания специализированных научно-аналитических центров мониторинга судебной практики, наделенных правом направления аналитических заключений в органы судейского сообщества для проведения дополнительной проверки

Материалы и методы

Предлагаемая авторами делиберативная модель формирования судебной власти и прокурорского надзора, объединяет современные педагогические подходы, сравнительное правоведение, анализ реальных правовых дел и технологии искусственного интеллекта. Ее задача состоит в создании образовательной среды, в которой правовые гипотезы и аргументы проходят последовательную проверку посредством открытого обсуждения, сравнительного анализа и обращения к материалам правоприменительной практики.

Понятие делиберации в предлагаемой модели используется применительно к академической и профессиональной подготовке.

Теоретические положения делиберативной демократии, разработанные, в частности, Ю. Хабермасом и Дж. Коэном, связаны с идеей обоснованного публичного обсуждения и аргументированного обмена позициями.[6]

В образовательной сфере этот принцип преобразуется в механизм научной делиберации, при котором предметом обсуждения становятся правовые нормы, судебные решения, доказательства, научные гипотезы и способы разрешения юридических проблем.

Методологическое значение такого подхода усиливается применением компаративистики, позволяющей посредством сопоставления различных научных, правовых и образовательных систем выявлять их общие закономерности, различия и возможности интеграции. В этом контексте особое значение имеет концепция компаративистики В.П. Котенко, рассматривающего ее как направление методологии анализа научной деятельности и развития науки. [2, с.21-27]

Такой подход переносит акцент с воспроизведения готового ответа на процесс его обоснования. Исследователь или иной участник Научного центра, студент взявший исследовать реальную проблему, должен не только определить применимую норму, но и объяснить причины ее применения, рассмотреть альтернативные подходы, исследовать судебную практику, возможные правовые последствия и баланс противоречащих норм.

Для судебной власти и прокурорского надзора такой подход имеет непосредственное профессиональное и институциональное значение, поскольку научная делиберация создает основу для открытого обсуждения качества правоприменения, обоснованности судебных решений и эффективности прокурорского надзора. Вовлечение гражданского общества в данный процесс позволяет сформировать дополнительный механизм общественного контроля, выявления правовых ошибок и системных недостатков, не подменяя при этом предусмотренные законом полномочия суда и органов прокуратуры. Судебная деятельность предполагает оценку конкурирующих позиций, исследование доказательств и мотивированное принятие решения. Прокурорская деятельность связана с обеспечением законности и требует самостоятельной правовой оценки обстоятельств. Поэтому способность анализировать альтернативные позиции и проверять собственную аргументацию должна формироваться уже в процессе юридического образования.

Основой обучения через практику, связывает образование с практическим опытом, развитием способности мыслить и взаимодействовать с окружающей социальной средой. Для юридического образования это означает сочетание теоретического освоения права с анализом практических ситуаций, позволяющих студенту самостоятельно применять знания. Для подготовки кадров судебной власти и прокуратуры особенно важно развитие способности анализировать доказательства, формировать правовую позицию и участвовать в профессиональной дискуссии.

Одним из ключевых элементов предлагаемой модели становится исследование реальных правовых дел. В отличие от условной учебной ситуации, реальное дело содержит фактические обстоятельства, позиции участников, доказательства, нормативную базу и правоприменительную практику.

Исследование реальных правовых казусов позволяет пройти последовательность, близкую к профессиональной деятельности: определить проблему, установить юридически значимые обстоятельства, найти нормативную основу, изучить практику, сформировать правовую позицию и обосновать возможный вариант решения.

Другие участники гражданского оборота или научных правовых направлений могут предложить альтернативную интерпретацию нормы, указать на недостатки доказательной базы или иной способ разрешения проблемы. Критика в данном случае выступает не отрицанием позиции обучающегося, а механизмом ее научного и профессионального совершенствования.

Судебный акт анализируется одновременно исследователями и различными видами искусственного интеллекта, формируя систему «ученый — ИИ». Такой подход позволяет сопоставлять человеческую профессиональную оценку с результатами машинного анализа больших массивов правовой информации. В силу объективных ограничений человеческих когнитивных возможностей судья не всегда способен самостоятельно выявить все

взаимосвязи, закономерности и статистические отклонения, содержащиеся в судебной практике. Поэтому сочетание научного исследования и ИИ может повысить объективность и глубину аналитической оценки судебных актов.

Такой подход непосредственно связан с компаративистикой. Сопоставление различных правовых систем позволяет выявлять альтернативные способы решения сходных проблем и определять факторы эффективности правового регулирования. В этом контексте представляет интерес работа В.П. Котенко «Компаративистика — новое направление методологии анализа научной деятельности и развития науки» (2007 год). Автор рассматривает проблему сегментации научного знания, связанную с риском изоляции отдельных направлений и ослаблением их эвристического потенциала. [2, с.21-27]

Для предлагаемой модели это имеет методологическое значение. Сравнительное правоведение позволяет преодолевать ограниченность изучения права исключительно в рамках одной национальной системы и формировать способность воспринимать проблему в более широком контексте. При этом компаративистский подход не предполагает механического переноса иностранного опыта, а направлен на выявление сходств, различий и условий эффективности конкретного правового механизма, как в замкнутой системе исследования, так и в открытых системах.

Таким образом, сравнительное исследование соединяется с делиберативным образованием: правовые модели сопоставляются, их преимущества и ограничения обсуждаются, после чего формируется аргументированный вывод.

Дополнительное значение имеет системный подход Н. Лумана в работе *Social Systems*, который рассматривает общественные системы через категории коммуникации, взаимодействия и системных связей, системный подход. [10] Такой подход позволяет рассматривать судебную власть, прокуратуру, образовательную и научную среду не как изолированные институты, а как взаимосвязанные подсистемы, функционирование которых определяется характером коммуникации, обмена информацией и взаимодействия между их участниками.

Применительно к юридическому образованию это позволяет рассматривать образовательный процесс как систему взаимодействия преподавателей, студентов, научных источников, правоприменительной практики и цифровых инструментов.

Развитие сетевого подхода в исследованиях А.-Л. Барабаши [7] также позволяет рассматривать научное пространство как совокупность взаимосвязанных участников и информационных ресурсов. В предлагаемой модели сетевой подход может использоваться для анализа взаимодействия университетов, исследователей, преподавателей, студентов и цифровых ресурсов, но с учетом работы С.С. Сью в образовательном процессе.

Именно здесь возникает необходимость включения искусственного интеллекта в образовательный процесс. Цифровизация судебной и прокурорской деятельности сопровождается накоплением значительных массивов правовой информации. Человек ограничен в способности одновременно анализировать большое количество нормативных актов, судебных решений и научных материалов. Поэтому программно-аналитические системы могут использоваться как инструмент интеллектуальной поддержки профессионального анализа.

Предлагаемая авторами программно-аналитическая нейронная система рассматривается не как механизм автоматического принятия юридических решений, а как средство обработки и структурирования информации. Она может применяться для поиска и сопоставления документов, выявления повторяющихся взаимосвязей, классификации материалов, анализа структуры аргументации и подготовки предварительных аналитических результатов как в национальных, так и в международных правоотношениях.

Однако в сфере судебной власти и прокурорского надзора необходимо четко установить пределы таких технологий. Нейронная система в настоящее время не должна автоматически определять наличие правонарушения, виновность лица, законность судебного решения либо необходимость конкретного прокурорского решения. Эти выводы относятся к сфере профессиональной юридической оценки и должны осуществляться уполномоченным человеком в соответствии с законом.

Поэтому предлагаемая модель основывается на принципе: «*аналитическая система — профессиональная проверка — юридическое решение*», по двухступенчатой модели «человек-Нейронная система». Искусственный интеллект расширяет возможности анализа, но не заменяет профессиональную ответственность.

Этот принцип должен формироваться уже в процессе обучения. Исследователь самостоятельно решает правовую задачу, после чего использует цифровой инструмент для поиска альтернативных аргументов и судебной практики. Полученный результат проверяется по первичным источникам права, сопоставляется с первоначальной позицией и обсуждается в академической группе.

Таким образом, использование искусственного интеллекта становится частью делиберативного образовательного цикла:

правовая проблема → самостоятельный анализ → правовая гипотеза → сравнительно-правовое исследование → цифровой анализ → академическая дискуссия → проверка аргументов → профессиональный правовой вывод.

Данная последовательность может применяться при подготовке специалистов по судебной деятельности, прокурорскому надзору, уголовному и гражданскому процессу, международному арбитражу, юридической экспертизе и цифровому праву.

Предлагаемая методология основана на применении программно-аналитической нейронной системы для предварительного научного анализа судебной информации. Система выявляет противоречия между материалами дела и выводами суда, повторяющиеся процессуальные модели, статистические аномалии и вероятностные зависимости, требующие последующей экспертной и юридической проверки. Для оценки степени реализации субъективных прав предлагается коэффициент

$$Kr = \Delta \text{Реализованных прав} / \Delta \text{Возникших прав} ,$$

где $Kr = 1$ означает полную реализацию права,

$Kr < 1$ — частичную,

а $Kr \rightarrow 0$ — фактическую нереализацию.

Дополнительно вводится категория **правовой энтропии** как меры неопределенности и непредсказуемости правового механизма во взаимосвязи «*норма → обстоятельства → доказательства → процессуальные действия → судебное решение*».

Нейронная система не принимает юридических решений и не устанавливает виновность, а формирует проверяемый и воспроизводимый массив признаков для последующей человеческой оценки.

Научная гипотеза состоит в том, что статистически значимое повторение одинаковых отклонений от требований полноты исследования доказательств, мотивированности судебных актов и процессуальных норм в независимых делах может указывать на системный феномен, а не только на совокупность индивидуальных ошибок.

Для проверки предлагается пилотное исследование по модели: **1000 дел → нейронный анализ → выявление аномалий → независимая экспертная проверка → оценка точности и воспроизводимости**. При этом результаты автоматизированного анализа являются лишь основанием для дальнейшего исследования и не могут самостоятельно подтверждать правонарушение или преступление. Перспективным институциональным решением будет развитие **Института судебного комиссара**, способный осуществлять независимый цифровой аудит судебных материалов, научную экспертизу и анализ системных закономерностей с формированием сопоставимых индикаторов качества правосудия.

Аналогичный принцип применяется к судебной власти. ИИ может облегчать поиск практики, сопоставление правовых позиций и обработку документов, но судебное решение не должно превращаться в результат автоматической генерации.

Следовательно, цифровизация не уменьшает значение профессионального юриста, *а повышает требования к его компетентности*. Юрист будущего должен понимать не только содержание закона, но и принципы работы цифровых инструментов, используемых при анализе правовой информации.

Предлагаемый подход может способствовать эффективному разрешению споров в научно-аналитических центрах на основе независимой оценки доказательств, правовых позиций и результатов анализа системы «ученый — ИИ». Если обе стороны получают обоснованное и проверяемое решение, удовлетворяющее их интересы, потребность в традиционном судебном разбирательстве существенно снижается. В перспективе это может привести к значительному сокращению нагрузки на судебную систему и, как прогнозируемый результат предлагаемой модели, — к снижению нагрузки на судебную систему и изменению структуры профессиональных функций участников правосудия.

Важным условием является формирование способности критически оценивать результаты работы искусственного интеллекта. Цифровой ответ не гарантирует достоверности: система может допускать ошибки, использовать неполные сведения или неверно интерпретировать правовой контекст. Следовательно, цифровая компетентность ученого-юриста должна включать способность проверять результаты автоматизированного анализа по первичным источникам и с учетом профессионального правового контекста.

Результаты и обсуждение

Предлагаемая авторами методология основывается на возможности анализа значительных массивов судебно-правовых материалов, включающего судебные акты, процессуальные документы, материалы судебных заседаний, результаты рассмотрения жалоб, а также сведения из открытых источников судебной практики.

Исследование направлено не на установление виновности конкретных лиц, а на выявление устойчивых, повторяющихся и статистически значимых закономерностей функционирования судебного механизма. Сам по себе объем исследованного материала не может рассматриваться как доказательство совершения правонарушений, однако позволяет сформировать эмпирическую и репрезентативную основу для научного анализа правоприменительной практики.

В рамках исследования рассматривается возможность применения программно-аналитической нейронной системы для обработки и систематизации судебной информации. Предлагаемая система предназначена для выявления потенциальных противоречий между материалами дела и выводами суда, повторяющихся процессуальных моделей, статистических отклонений, аномалий и иных устойчивых закономерностей, требующих последующего научного и правового изучения. При этом функция искусственного интеллекта ограничивается автоматизированным предварительным анализом, классификацией и выявлением потенциально значимых взаимосвязей, тогда как окончательная интерпретация полученных результатов должна осуществляться человеком — специалистом в соответствующей области права и науки.

Одним из направлений исследования является разработка количественных показателей, характеризующих степень реализации субъективных прав и уровень правовой энтропии. Предлагаемый подход основан на исследовании взаимосвязи между правовой нормой, фактическими обстоятельствами дела, доказательственной базой, процессуальными действиями участников и итоговым судебным решением.

Отдельные элементы предлагаемой модели апробировались в образовательном процессе Ташкентского государственного юридического университета, магистратуры, по направлению «международный арбитраж и разрешение споров» в 2025-2026г. В рамках занятий применялся анализ реальных правовых дел, обсуждение проблем, стратегическое планирование, прогнозирование и расчет сравнительно-правового исследования с коллективной оценкой предложенных решений.

Полученный опыт позволяет рассматривать преподавателя не только как источник знания, но и как организатора исследовательского процесса. Его задача заключается в постановке проблемных вопросов, обеспечении научной корректности дискуссии и направлении студентов к самостоятельному анализу. Студент, в свою очередь, самостоятельно формулирует гипотезу, предлагает решение, отвечает на критические вопросы и при необходимости корректирует первоначальную позицию, при этом же оппонирует и управляет ИИ, внося данные из материала дела.

Такой механизм важен для формирования профессиональной культуры судебной и прокурорской власти. Судебная и прокурорская деятельность требуют способности воспринимать противоположную позицию, оценивать ее содержание и изменять собственный вывод под воздействием новых доказательств или аргументов.

В этом состоит отличие делиберативной подготовки от модели, ориентированной преимущественно на воспроизведение готовых знаний. Критерием успешности становится не только способность запомнить норму, но и умение применять ее в конкретной юридической ситуации.

Эффективность предлагаемой модели может оцениваться по совокупности критериев: качеству юридической аргументации, способности анализировать судебную практику, правильности использования источников права, способности выявлять противоречия, качеству самостоятельных научных гипотез и корректности применения ИИ.

Подход может быть дополнен цифровой системой оценки динамики формирования профессиональных компетенций. При этом автоматизированная оценка должна иметь исключительно вспомогательное значение и не подменять педагогическое решение.

Важным направлением дальнейшего исследования является международное академическое сотрудничество. Сравнительно-правовое изучение судебных систем и механизмов прокурорского надзора различных государств позволяет выявлять общие проблемы и различные способы их решения.

В этой связи авторами предлагается вынести на международное академическое обсуждение возможность разработки Международного кодекса ученого и Международного студенческого научного манифеста. Их содержание может включать принципы академической добросовестности, свободы научного поиска, корректного использования ИИ, ответственности за достоверность научных результатов и уважения к различным научным позициям.

Такие документы целесообразно рассматривать как результат научной дискуссии, а не административно установленный набор требований. Сам процесс их разработки может стать примером делиберативного подхода, при котором академическое сообщество совместно формирует и проверяет научные положения.

Таким образом, цифровая трансформация юридического образования должна рассматриваться не только как внедрение технических средств. Ее более глубокое значение заключается в изменении способов формирования профессионального юридического мышления.

Для судебной власти и прокурорского надзора это имеет принципиальное значение, поскольку качество правоприменения зависит от способности специалиста объективно оценивать информацию, сопоставлять правовые позиции, проверять доказательства и мотивировать решения.

Делиберативная модель позволяет сформировать эти навыки еще в процессе профессионального обучения.

Она соединяет анализ реальных правовых дел, сравнительное правоведение, открытую академическую дискуссию и цифровую аналитику в единый образовательный процесс.

В результате формируется модель подготовки юриста, способного не только применять законодательство, но и критически анализировать его применение, исследовать судебную практику, взаимодействовать с цифровыми аналитическими системами и обосновывать профессиональные решения.

Заключение

Проведенное исследование позволяет рассматривать делиберативную подготовку юристов как перспективную модель формирования профессиональных компетенций для судебной власти и прокурорского надзора в условиях цифровой трансформации. Ее

методологическую основу составляет разграничение трех уровней анализа: автоматизированного выявления закономерностей — научной интерпретации полученных результатов — юридической оценки компетентными органами.

Такое разграничение позволяет использовать возможности искусственного интеллекта при обработке значительных массивов судебной и правовой информации без подмены им судебных, следственных, прокурорских или иных предусмотренных законом процедур.

Принципиальным результатом исследования является обоснование положения о том, что применение искусственного интеллекта в юридической деятельности должно осуществляться по модели «аналитическая система — профессиональная проверка — юридическое решение». Если цифровой инструмент предлагает определенную правовую позицию, полученный результат должен подвергаться научному и профессиональному обсуждению: проверяться актуальность и достоверность использованных источников, корректность интерпретации правовых норм, наличие альтернативных правовых позиций и соответствие выводов фактическим обстоятельствам дела. Искусственный интеллект в предлагаемой модели выполняет функцию интеллектуальной поддержки, тогда как ответственность за юридическую оценку сохраняется за человеком.

Научная новизна предлагаемого подхода состоит в рассмотрении делиберативной подготовки как связующего элемента между юридическим образованием и профессиональной деятельностью в сфере судебной власти и прокурорского надзора.

Академическая дискуссия при этом выступает механизмом предварительной проверки юридической аргументации, сравнительное правоведение расширяет пространство анализа, исследование реальных правовых дел обеспечивает практическую направленность подготовки, а искусственный интеллект предоставляет дополнительные возможности обработки и сопоставления значительных массивов правовой информации.

Поставленная научная гипотеза получила теоретическое и методологическое обоснование в рамках предложенной модели исследования и требует дальнейшей эмпирической проверки.

Полученные посредством автоматизированного анализа признаки должны рассматриваться исключительно как основание для последующего независимого научного исследования и при наличии соответствующих данных, проверки компетентными государственными органами.

Предлагаемый образовательный механизм может применяться при подготовке специалистов для судебной деятельности и прокурорского надзора. Обучающийся самостоятельно исследует массив судебных решений, формулирует правовую гипотезу и выявляет возможные закономерности, после чего нейронная система осуществляет дополнительный анализ. Результаты человеческого и машинного анализа сопоставляются в рамках академической дискуссии, что позволяет одновременно развивать юридическое мышление, способность к критической оценке доказательств и цифровую компетентность будущего специалиста.

В более широком социальном контексте цифровая трансформация изменяет не только инструменты юридической деятельности, но и требования к профессиональной роли судьи, прокурора, исследователя и преподавателя.

Таким образом, делиберативная модель юридического образования в условиях цифровой трансформации может рассматриваться как одно из направлений совершенствования подготовки специалистов для судебной власти и прокурорского надзора.

Ее дальнейшее развитие требует расширения практической апробации, разработки измеряемых критериев эффективности, проведения сравнительных исследований образовательных и правовых систем различных государств, а также определения допустимых границ использования искусственного интеллекта в юридической деятельности.

Перспективным направлением дальнейших исследований является формирование научно-аналитических механизмов мониторинга судебной практики, при которых автоматизированное выявление статистических, логических и методологических закономерностей сочетается с независимой научной интерпретацией и последующей профессиональной юридической оценкой.

Такой подход способен обеспечить развитие правовой и социальной системы в изменяющейся информационной среде при сохранении фундаментальных требований к судебной и прокурорской деятельности — законности, объективности, обоснованности и ответственности за принимаемые решения.

Список литературы

1. Гулямов С.С., Эгамбердиев Э.Х. Методология научного (правового) исследования и Legal Tech: учебник. – Ташкент: Изд-во ТГЮУ, 2025. – 480 с.
2. Котенко В.П. Компаративистика – новое направление методологии анализа научной деятельности и развития науки // Библиосфера. – 2007. – № 3.
3. Мороз С.А., Комарова С.С. Статистический анализ данных при внедрении автоматизации судебного процесса в ходе судебного дозора для выявления общих факторов, препятствующих развитию и становлению правосудия в РФ // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 10.
4. Мороз С.А., Матенов Р.Б., Рахимова М.А. Цифровизация разрешения гражданско-правовых споров: системный и энтропийный подход с применением искусственного интеллекта // Universum: экономика и юриспруденция. – 2026. – № 3.
5. Самсонова М.В., Стрельцова Е.Г., Чайкина А.В. [и др.] Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / отв. ред. Е.Г. Стрельцова. – М.: Инфотропик Медиа, 2022. – 332 с.
6. Хабермас Ю. Между фактами и нормами: вклад в дискурсивную теорию права и демократии / пер. с англ. У. Пера. – Cambridge, Mass.: MIT Press. – 1996. – 631 с.
7. Barabasi A.-L. Linked: The New Science of Networks. – Cambridge, Mass.: Perseus Publishing. – 2002. – 280 P.
8. Cohen J. Deliberation and Democratic Legitimacy // The Good Polity: Normative Analysis of the State / ed. A. Hamlin, P. Pettit. – 1989.
9. Dewey J. Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education. – New York: The Macmillan Company, 1916. – 434 P.

10. Luhmann N. Social Systems / trans. J. Bednarz Jr., D. Baecker. – Stanford, California: Press. – 1995. – 627 P.
11. Siew C.S.Q. Applications of Network Science to Education Research: Quantifying Knowledge and the Development of Expertise through Network Analysis // Education Sciences. – 2020. – T. 10, № 4. – Art. 101. – DOI: 10.3390/educsci10040101.

References

1. Gulyamov S.S., Egamberdiev E.Kh. Methodology of Scientific (Legal) Research and Legal Tech: Textbook. – Tashkent: Tashkent State University of Law Publishing House, 2025. – 480 P.
2. Kotenko V.P. Comparative Studies as a New Direction in the Methodology of Analysis of Scientific Activity and Development of Science // Biblosphere. – 2007. – No. 3.
3. Moroz S.A., Komarova S.S. Statistical Data Analysis in the Implementation of Judicial Process Automation within Judicial Oversight to Identify General Factors Hindering the Development and Establishment of Justice in the Russian Federation // Eurasian Law Journal. – 2024. – No. 10.
4. Moroz S.A., Matenov R.B., Rakhimova M.A. Digitalization of Civil Law Dispute Resolution: A Systemic and Entropic Approach Using Artificial Intelligence // Universum: Economics and Law. – 2026. – No. 3.
5. Samsonova M.V., Streltsova E.G., Chaikina A.V. et al. Digital Technologies in Civil and Administrative Proceedings: Practice, Analytics, Perspectives. Ed. by E.G. Streltsova. – Moscow: Infotropic Media, 2022. – 332 P.
6. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Translated by W. Rehg. Cambridge, Mass.: MIT Press. – 1996. – 631 P.
7. Barabási A.-L. Linked: The New Science of Networks. Cambridge, Mass.: Perseus Publishing. – 2002. – 280 P.
8. Cohen J. Deliberation and Democratic Legitimacy // The Good Polity: Normative Analysis of the State. Ed. by A. Hamlin, P. Pettit. Oxford: Basil Blackwell. – 1989.
9. Dewey J. Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education. – New York: The Macmillan Company, 1916. – 434 P.
10. Luhmann N. Social Systems. Translated by J. Bednarz Jr. and D. Baecker. Stanford, California: Press. – 1995. – 627 P.
11. Siew C.S.Q. Applications of Network Science to Education Research: Quantifying Knowledge and the Development of Expertise through Network Analysis // Education Sciences. – 2020. – Vol. 10, No. 4. – Art. 101. – DOI: 10.3390/educsci10040101.

ARTICLES IN ENGLISH

LAW

CRIMINAL LAW, PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

Статья поступила в редакцию: 18.09.2026

Статья принята к публикации: 26.09.2026

Статья опубликована: 01.10.2026

УДК 343.23

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.144.10.23458

Legal and Doctrinal Problems of Determining the Elements of the Objective Side in Crimes Committed by Negligence

Murshudov Rashad

PhD candidate

Department of Criminal law, Criminology and penal law, Baku State University

Azerbaijan, Baku

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-4707-2253>

E-mail: mursudov.resad77@mail.ru

Уголовно-правовые и доктринальные проблемы определения объективной стороны преступлений, совершенных по неосторожности

Мурушудов Рашад

PhD, соискатель

кафедра уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Бакинский

государственный университет, Азербайджанская Республика

г. Баку

Abstract

Determining the objective side (actus reus) in crimes committed by negligence presents profound theoretical, doctrinal, and practical challenges across legal traditions. Unlike intentional offenses, where human agency consciously directs conduct toward a prohibited outcome, criminal

Библиографическое описание: Мурушудов Р. Уголовно-правовые и доктринальные проблемы определения объективной стороны преступлений, совершенных по неосторожности // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2026. 10(144). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/23458>

For citation: Murshudov R. Legal and Doctrinal Problems of Determining the Elements of the Objective Side in Crimes Committed by Negligence // Universum: economics and law : electronic scientific journal. 2026. No. 10(144). Available at: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/23458>

negligence involves inadvertence, breach of duty, or unreasonable risk-taking. This study examines five core doctrinal problems surrounding the objective side of negligent crimes: (1) conceptualizing criminal omissions vs. positive acts; (2) establishing legal causation versus functional conditioning connections (обуславливающая связь) in omissions and medical malpractice; (3) demarcating multi-subject negligent infliction (неосторожное причинение) from intentional complicity; (4) applying the non-regression clause (Regressverbot), the principle of trust (Vertrauensgrundsatz), and division of labor; and (5) assessing the qualification impact of factual errors regarding objective side elements. Utilizing comparative-legal, formal-dogmatic, and normative analytical methods across Common Law, Civil Law (German, Estonian), and Post-Soviet legal systems, this research demonstrates that criminal omissions operate through a functional conditioning mechanism rather than direct physical causation. The paper advocates for the legislative recognition of careless infliction as an autonomous form of joint criminal liability, the formalization of the conditioning connection in omission offenses, and the adoption of a unified major-departure standard (gross negligence) to prevent defensive practices in specialized professions.

Аннотация

Определение объективной стороны (actus reus) преступлений, совершенных по неосторожности, представляет серьёзные теоретические, доктринальные и практические проблемы в различных правовых системах. В отличие от умышленных преступлений, при которых человеческая воля сознательно направлена на достижение запрещённого результата, уголовная неосторожность предполагает невнимательность, нарушение обязанности либо неоправданное допущение риска. Настоящее исследование рассматривает пять основных доктринальных проблем, связанных с объективной стороной неосторожных преступлений: (1) теоретическое разграничение уголовно-правовых бездействий и активных действий; (2) установление уголовно-правовой причинности в сравнении с функциональной обуславливающей связью при бездействии и врачебной халатности; (3) разграничение коллективного неосторожного причинения от умышленного соучастия; (4) применение принципа непрерывной цепи причинности (Regressverbot), принципа доверия (Vertrauensgrundsatz) и разделения труда; (5) оценка влияния фактических ошибок относительно элементов объективной стороны на квалификацию преступления. Применяя сравнительно-правовой, формально-догматический и нормативно-аналитический методы анализа в рамках англосаксонской, континентальной (германской, эстонской) и постсоветской правовых систем, исследование демонстрирует, что уголовно-правовые бездействия функционируют посредством механизма функциональной обуславливающей связи, а не прямой физической причинности. Работа отстаивает законодательное признание неосторожного причинения как автономной формы коллективной уголовной ответственности, формализацию обуславливающей связи при преступлениях, совершённых путём бездействия, и принятие единого стандарта грубой неосторожности для предотвращения оборонительной практики в специализированных профессиях.

Keywords: objective side, criminal negligence, omission, causation, conditioning connection, careless infliction, factual error.

Ключевые слова: объективная сторона, уголовная неосторожность, бездействие, причинность, обуславливающая связь, неосторожное причинение, фактическая ошибка.

1. Introduction

1.1 *The Paradigm of Culpability and the Dilemma of Criminal Negligence*

Criminal law across modern legal systems functions as an instrument of social control, justice, and order, imposing the state's most severe sanctions upon individuals who violate protected social interests (Quinney & Shelden, 2018; Chriss, 2022; Putra et al., 2026). At the core of criminal liability lies the fundamental maxim *actus non facit reum nisi mens sit rea*—an act does not make a person guilty unless the mind is also guilty (Fletcher, 1971; Mousourakis, 2021). Historically, intentional conduct (*dolus*) has constituted the undisputed core of criminal responsibility. In intentional crimes, human agency consciously chooses to do harm, coupling volition with foresight of forbidden consequences (Fletcher, 1971; Putra et al., 2026). By contrast, criminal negligence (*culpa*) has long been viewed by legal theorists as an aberrant, inferior, or problematic ground for penal liability (Fletcher, 1971). Because the negligent actor does not intend or desire to produce a prohibited harm, imposing criminal sanctions for inadvertent risk-taking raises persistent moral and doctrinal anxieties regarding just deserts, deterrence, and individual culpability (Fletcher, 1971; Putra et al., 2026).

Despite these theoretical discomforts, every major Western and post-Soviet legal system penalizes negligent violations of critical legal interests, particularly life, physical integrity, health, environmental security, and public safety (Fletcher, 1971; Mousourakis, 2021; Yanina, 2016). Rapid technological, industrial, medical, and transportation developments have multiplied the opportunities for severe inadvertent harm, making negligence offenses increasingly prominent in modern judicial practice (Putra et al., 2026; Radov, 2020). However, because negligence lacks the affirmative internal choice that defines intentionality, legal systems must rely heavily on objective standards to demarcate criminal conduct from non-criminal accidents (Fletcher, 1971; Mousourakis, 2021).

1.2 *Conceptualizing the Objective Side Across Legal Traditions*

In legal doctrine, the analysis of criminal offenses is structured around recognized models of crime definition. In post-Soviet and civil law continental systems, criminal liability requires the satisfaction of the *corpus delicti*, a structural model comprising four interdependent elements: the Object (protected legal interest), the Objective Side, the Subject (sane physical person of statutory age), and the Subjective Side (Altiyev & Ziyamov, 2026; Yanina, 2016). The Objective Side constitutes the external, tangible manifestation of the crime in the physical world. Its obligatory core elements in result-based crimes consist of: (1) a socially dangerous act or omission; (2) a prohibited socially dangerous result; and (3) a necessary causal link connecting the conduct to the result (Altiyev & Ziyamov, 2026; Radov, 2020). Optional or qualifying elements of the objective side include the place, time, method, means, and surrounding circumstances of commission (Altiyev & Ziyamov, 2026).

By contrast, Anglo-American Common Law jurisdictions traditionally follow a bipartite structure of crime, distinguishing between the objective element—actus reus (the guilty act or state of affairs)—and the subjective element—mens rea (the blameworthy mental state) (Brink, 2019; Mousourakis, 2021). Continental European civil law systems (such as Germany and Estonia) utilize a three-tier structure consisting of statutory typicality (Tatbestand), unlawfulness/wrongdoing (Rechtswidrigkeit), and individual culpability/guilt (Schuld) (Feldmanis, 2019; Fletcher, 1971). Despite these terminological and structural variations, all major legal families share a common analytical imperative: before a defendant can be scrutinized for subjective fault or blameworthiness, the prosecution must establish the existence of an objective legal transgression.

1.3 Statement of the Problem and Doctrinal Controversies

In crimes committed by negligence, determining the elements of the objective side is fraught with deep legal and doctrinal uncertainties. Because the actor's mental state in negligence is characterized by inadvertence or unjustified confidence that harm will not occur, the entire weight of distinguishing criminality from lawful risk falls upon the objective side (Fletcher, 1971; Putra et al., 2026). Five central doctrinal problems dominate contemporary penal theory and judicial practice:

1. Conduct Identification (Action vs. Omission): Determining when passive non-feasance or failure to fulfill a professional duty qualifies as a criminal act, particularly in complex medical, occupational, and organizational settings (Mousourakis, 2021; Radov, 2020). 2. The Causation Conundrum in Omissions: Resolving whether an omission physically causes harm under the traditional *conditio sine qua non* ('but for') test, or whether omissions operate through a functional conditioning connection that permits external causal forces (disease, trauma) to produce death or injury (Radov, 2020). 3. Multi-Subject Negligent Infliction: Defining the legal nature of multi-party negligence ('careless infliction'). Because statutory complicity (соучастие) strictly requires joint intentional participation, multi-actor negligent harms must be theoretically grounded in autonomous, interconnected, and interdependent acts (Yanina, 2016). 4. Intervening Causes and Risk Allocation: Navigating the non-regression clause (Regressverbot), the principle of trust (Vertrauensgrundsatz), and horizontal/vertical divisions of labor when one negligent actor contributes to a risk that is subsequently actualized by another party's negligent or intentional act (Feldmanis, 2019; Mousourakis, 2021). 5. Objective Qualification and Factual Errors: Assessing how factual misapprehensions regarding objective side elements (means, methods, target person, causal sequence, quantitative scale) affect the legal qualification of negligent offenses under statutory rules and the principle in *dubio pro reo* (Altiyev & Ziyamov, 2026).

1.4 Research Objectives

This study aims to conduct a comprehensive comparative and doctrinal investigation into the legal problems of establishing the elements of the objective side in negligent crimes. By synthesizing scholarship and judicial developments across Common Law (England, New Zealand), Continental European Law (Germany, Estonia), Post-Soviet Jurisdictions (Uzbekistan, Russia), and Civil Law (Indonesia), this paper formulates unified theoretical frameworks to resolve ongoing ambiguities in judicial qualification, expert medical assessments, and legislative drafting.

2. Materials and Methods

2.1 Research Methodology and Analytical Framework

This study employs a normative legal research methodology combined with formal-dogmatic and comparative legal analysis (Altiyev & Ziyamov, 2026; Putra et al., 2026). The normative-dogmatic approach examines positive statutory provisions, penal codes, and established doctrines of criminal law to evaluate how the objective side of negligence is formulated and applied within systems of criminal liability (Putra et al., 2026). The comparative legal method examines five major legal traditions: Anglo-American Common Law, Continental European Law (German and Estonian dogmatics), Post-Soviet Jurisdictions (Russian and Uzbek criminal codes and Supreme Court Plenums), Indonesian Criminal Law, and Japanese Penal Code provisions (Altiyev & Ziyamov, 2026; Fletcher, 1971; Mousourakis, 2021).

2.2 Methodological Synthesis

To rigorously evaluate objective side elements, the study applies a comparative heuristic model connecting interpreted statutory norms, established factual parameters, reasoned legal assessments, and the degree of social danger (Altiyev & Ziyamov, 2026). The analysis separates the objective dimension of wrongfulness/legality (*Rechtswidrigkeit*) from the subjective dimension of culpability (*Schuld*), ensuring that objective parameters are established prior to fault evaluation (Fletcher, 1971).

3. Results and Discussion

3.1 The Conduct Element: Positive Acts, Voluntariness, and Criminal Omissions

In penal doctrine, criminal conduct constitutes the primary physical component of the objective side. Conduct may manifest either as a positive act (a willed bodily movement) or as a passive omission (a failure to act when under a legal obligation) (Mousourakis, 2021). A fundamental prerequisite for both active and passive conduct is voluntariness—the actor must possess the physical and psychological capacity to exercise control over their bodily movements or to avert the prohibited risk (Fletcher, 1971). Conditions such as physical duress, reflex actions, automatism, or total incapacity negate the voluntary character of conduct, thereby precluding the establishment of the objective side altogether (Fletcher, 1971).

In result crimes (crimes requiring a tangible physical harm such as death or bodily injury), criminal liability for an omission presupposes that the actor violated a specific legal duty of care (Mousourakis, 2021). While general 'Good Samaritan' statutes exist in certain civilian jurisdictions (e.g., § 323c of the German Criminal Code or Article 450 of the Dutch Penal Code), Common Law and post-Soviet systems generally reject an undifferentiated duty to rescue strangers in peril (Mousourakis, 2021). Instead, criminal liability for an omission arises only when a particular legal duty of care is imposed upon the actor. Comparative jurisprudence establishes five primary sources of such legal duties:

1. Statutory Obligations: Explicit legislative mandates imposed on specific categories of persons (e.g., parents' duties to provide necessities and protect children under ss. 151–152 of the New Zealand Crimes Act 1961) (Mousourakis, 2021).

2. Status and Domestic Relationships: Natural or legal family relationships (parent-child, spouse-spouse) generating inherent obligations to shield vulnerable individuals from harm (Mousourakis, 2021).

3. Voluntary Assumption of Care: Undertaking the custody or care of a helpless or vulnerable adult, thereby secluding them and preventing others from rendering aid (Mousourakis, 2021).

4. Contractual and Professional Undertakings: Employment contracts or professional positions requiring active safety preservation, such as medical practitioners, railway gatekeepers (Mousourakis, 2021; Radov, 2020).

5. Prior Creation of a Dangerous Situation: The established legal rule that a person who innocently or negligently creates a source of risk or danger incurs an immediate legal duty to take reasonable steps to prevent subsequent harm (Mousourakis, 2021).

3.2 Causation vs. Conditioning Connection in Omission and Medical Negligence

Establishing the causal link between the actor's conduct and the prohibited result is a mandatory element of the objective side in result-based crimes (Mousourakis, 2021; Radov, 2020). In crimes committed by positive action, factual causation is conventionally established through the *conditio sine qua non* ('but for') test: conduct is a factual cause if the prohibited consequence would not have occurred as and when it did without the actor's intervention (Mousourakis, 2021). However, establishing factual causation is insufficient for criminal conviction; the prosecution must further prove legal or salient causation—that the conduct constituted a substantial, imputable cause that morally justifies attributing the result to the defendant (Mousourakis, 2021).

In crimes of omission—particularly medical negligence (iatrogenic crimes) and professional safety breaches—the application of traditional causality doctrine faces immense philosophical and legal hurdles (Radov, 2020). Non-events or passive failures to act do not initiate physical causal processes in the physical world; rather, they allow pre-existing natural processes (e.g., internal hemorrhaging, pathological disease, traumatic wound) to run their course unimpeded (Mousourakis, 2021; Radov, 2020). This has led to a long-standing doctrinal debate between scholars who assert that omissions are strictly non-causal (a-causal) and those who argue that omissions directly cause harm in the social and legal realms (Radov, 2020).

To resolve this theoretical impasse, recent legal scholarship developed by Radov (2020) demonstrates that the objective side in omission crimes does not rely on direct linear physical causality, but rather on a functional conditioning connection. Under dialectical and relativistic philosophy, a physical cause actively generates or produces a physical change in another object. In contrast, a condition constitutes an essential element of a system that permits an existing causal process to produce a harm (Radov, 2020). When a physician negligently fails to provide mandatory medical care to a stabbed patient who subsequently dies of blood loss, the physical cause of death is the mechanical trauma and hemorrhage caused by the assailant's knife. The physician's omission did not generate the bleeding, but acted as a negative condition that permitted the fatal process to finalize (Radov, 2020).

Radov reformulates the 'Golden Rule of Causality' specifically for criminal omissions: rather than mentally subtracting the omission (which yields an absurd result), the law-applier must mentally replace the negligent omission with the mandatory, required conduct prescribed by professional standards. If substituting the required conduct demonstrates that the prohibited harm

would have been prevented, a legally binding conditioning connection is established between the omission and the result (Radov, 2020). This distinction explains why forensic medical experts (who evaluate direct physical etiology) frequently report that medical omissions are not the direct physical cause of death, while courts correctly find a legally sufficient conditioning connection that satisfies the objective side of statutory offenses such as failure to render assistance (Article 124 Russian CC) or official negligence (Article 293 Russian CC) (Radov, 2020).

3.3 Multi-Subject Negligent Infliction (Careless Infliction)

A major problem in objective side determination occurs when a single negligent outcome is brought about by the combined actions of multiple individuals. In criminal law doctrine, statutory complicity (соучастие) is defined strictly as the joint intentional participation of two or more subjects in an intentional crime (Article 32 Russian CC; Putra et al., 2026; Yanina, 2016). Complicity requires subjective coordination, a shared criminal design, and mutual awareness among participants (Yanina, 2016). Consequently, legal theory unanimously rejects the concept of 'negligent complicity', as negligent actors lack a shared intentional design (Putra et al., 2026; Yanina, 2016).

However, empirical judicial practice is replete with incidents where multiple actors inadvertently contribute to a single fatal or disastrous result—such as workplace safety violations, industrial collapses, transport accidents, and multi-doctor medical errors (Yanina, 2016). In research by Yanina (2016), this legal phenomenon is conceptualized as 'Careless Infliction' or multi-subject negligent harm-doing. Careless infliction is characterized by five specific objective and subjective features:

1. Multiplicity of Subjects: Two or more independent actors fulfilling statutory age and sanity requirements (Yanina, 2016).
2. Absence of Complicity/Intentional Coordination: Each participant acts autonomously without prior agreement or shared intentional purpose (Yanina, 2016).
3. Interconnected Conduct: A objective sequence of acts or omissions committed independently by each actor (Yanina, 2016).
4. Interdependent Causation: A structural interaction where the act or omission of one negligent party influences or exacerbates the conduct of another, combining to trigger the prohibited result (Yanina, 2016).
5. Single Negligent Outcome: A unified socially dangerous consequence resulting from the combined negligent acts (Yanina, 2016).

Recognizing 'careless infliction' as a distinct objective side category ensures that all contributing negligent actors are held proportionately responsible under relevant negligent offense provisions, rather than arbitrarily prosecuting only the last individual in the causal chain (Yanina, 2016).

3.4 Intervening Causes, Non-Regression, and the Principle of Trust

In Continental penal dogmatics, the attribution of negligent outcomes across multiple actors is governed by the Non-Regression Clause (Regressverbot) and the Principle of Trust (Vertrauensgrundsatz) (Feldmanis, 2019). The non-regression clause posits that when a third party intentionally or autonomously intervenes in a causal sequence initiated by a prior actor, liability for the ultimate harm is restricted to the intervening party, relieving the original actor of responsibility (Feldmanis, 2019). However, modern penal theory recognizes vital exceptions to non-regression where the original actor violated a specific duty of care designed to prevent third-party harm:

- **Duty to Secure Hazardous Objects:** If an actor negligently leaves a firearm or toxic substance accessible to unauthorized third parties in violation of statutory safety regulations, the subsequent criminal misuse of the object does not shield the original actor from negligent prosecution (Feldmanis, 2019).

- **Recognized Preparedness for Harm:** If a third party's readiness or intent to commit a crime is objectively recognizable to a prudent person, the original actor cannot claim non-regression (Feldmanis, 2019).

The Principle of Trust (Vertrauensgrundsatz), derived originally from traffic law, dictates that an individual who complies with applicable duties of care is entitled to presume that other members of society will likewise act lawfully and carefully (Feldmanis, 2019). In organizational, industrial, and medical team settings, the principle of trust delineates the objective scope of due diligence across divisions of labor (Feldmanis, 2019):

1. **Horizontal Division of Labor:** Peers working alongside one another (e.g., a operating surgeon and an anesthesiologist) are entitled to trust that each specialist properly performs their professional duties without continuous cross-checking, unless objective grounds for suspicion arise (Feldmanis, 2019).

2. **Vertical Division of Labor:** Hierarchical relationships (supervisors and subordinates) permit superiors to trust subordinates provided the superior fulfills three organizational duties: (a) careful selection of qualified personnel; (b) issuing clear, compliant instructions; and (c) maintaining proper operational supervision (Feldmanis, 2019).

3.5 The Impact of Factual Errors on Objective Side Qualification

The qualification of an act in criminal law is the logical operation establishing exact correspondence between the factual features of a committed act and the elements of a criminal norm (Altiyev & Ziyamov, 2026). In legal theory, errors are divided into legal errors (mistake of law / *Verbotsirrtum*) and factual errors (mistake of fact / *Tatbestandsirrtum*) (Altiyev & Ziyamov, 2026; Fletcher, 1971). While a mistake of law generally does not negate criminal liability under the maxim *ignorantia juris non excusat* (except in cases of unavoidable normative inaccessibility or reliance on official administrative explanations), a mistake of fact directly alters the content of fault and changes objective side qualification (Altiyev & Ziyamov, 2026; Fletcher, 1971).

Empirical research in post-Soviet judicial practice demonstrates five major operational types of factual error affecting objective side qualification (Altiyev & Ziyamov, 2026):

1. **Error as to the Object:** Misapprehension regarding the legal nature of the target interest (e.g., attempting to steal ordinary property believing it to be military equipment) shifts qualification to an inchoate attempt according to the direction of intent (Altiyev & Ziyamov, 2026).

2. **Error as to the Person (Error in Persona) vs. Stray Blow (Aberratio Ictus):** In error in persona, the causal course develops as planned against a mistaken identity, leaving objective qualification unchanged; in aberratio ictus, the physical blow strays to a third party, requiring dual qualification for attempted intentional crime against the intended target and negligent harm against the actual victim (Altiyev & Ziyamov, 2026).

3. Error as to Means and Methods: Utilizing unsuited means or targeting an unsuited object (e.g., shooting a corpse believing the person is alive) constitutes an impossible attempt, shifting qualification from completed crime to attempted crime based on directed intent (Altiyev & Ziyamov, 2026).

4. Error as to Qualifying/Aggravating Circumstances: Under Article 38(2) of the Japanese Penal Code and modern post-Soviet doctrine, an aggravating objective feature (e.g., committing an act against a pregnant woman or on an especially large scale) may be imputed only if independent evidence proves the actor was consciously aware of the aggravating fact (Altiyev & Ziyamov, 2026).

5. Error in Causal Development: Essential deviations in the causal chain (e.g., striking a victim believing them dead and throwing them into a lake, where death occurs by drowning) sever unified intent, requiring dual qualification for attempted intentional homicide and negligent homicide (Altiyev & Ziyamov, 2026).

3.6 Reconciling Objective Legal Standards with Individual Culpability

The findings of this comparative investigation reveal that legal systems consistently grapple with a foundational paradox: how to measure criminal negligence against general, objective standards while preserving individualized fairness and respect for human autonomy (Fletcher, 1971). Common Law courts have historically leaned toward objective, external standards of negligence, evaluating conduct against the hypothetical 'reasonable person in the circumstances' (Fletcher, 1971; Mousourakis, 2021). However, as Fletcher (1971) perceptively observed, conflating the objective determination of risk permissibility with individual culpability obscures the structure of criminal liability.

Civilian Continental dogmatics (German and post-Soviet theory) resolve this paradox by rigorously distinguishing between Legality (*Rechtswidrigkeit* / Unlawfulness)—which assesses objectively whether a risk is substantial and unjustified—and Culpability (*Schuld* / Blameworthiness)—which examines subjectively whether the specific individual had a fair opportunity to perceive and avoid the risk given their personal capacities and excusing conditions (Fletcher, 1971). Applying this two-tiered framework demonstrates that negligence is not an aberrant departure from *mens rea*, but a parallel rationale of personal culpability based on the actor's blameworthy failure to utilize their capacities to perceive and avoid impermissible societal risks (Fletcher, 1971).

3.7 Policy Implications and Recommendations for Legislative and Judicial Reform

The findings of this study yield four crucial policy and legislative recommendations for modern criminal justice reform:

1. Calibrating the Criminal Negligence Threshold (Gross Negligence / Major Departure): To prevent 'defensive medicine' and the paralysis of essential professional activities, criminal liability for professional negligence must require proof of gross negligence (a major departure from the standard of care expected of a reasonable professional), as exemplified by section 150A of the New Zealand Crimes Act 1961 and *R v Adomako* (Mousourakis, 2021). Simple or ordinary civil negligence should remain strictly within the domain of tort and administrative law (Fletcher, 1971; Mousourakis, 2021).

2. Legislative Codification of Careless Infliction: General parts of penal codes should be updated to incorporate explicit statutory provisions recognizing 'careless infliction' (multi-subject negligent harm-doing) as an autonomous form of joint liability distinct from complicity, enabling fair, proportionate prosecution of all contributing negligent actors (Yanina, 2016).

3. Formalization of the Conditioning Connection in Omission Offenses: Procedural and substantive guidelines should clarify that in criminal omissions, the objective side causal requirement is satisfied by establishing a functional conditioning connection via the modified Golden Rule of replacement conduct, bridging the gap between forensic medical etiology and judicial decision-making (Radov, 2020).

4. Statutory Codification of Factual Error Rules and In Dubio Pro Reo: Penal codes should codify general rules on factual error, mandating that objective qualifying elements cannot be imputed without independent proof of the actor's awareness, and enforcing the principle in dubio pro reo at the objective side qualification stage (Altiyev & Ziyamov, 2026).

4. Conclusion

The comparative doctrinal analysis identifies five recurring challenges in determining the objective side of negligent crimes: the legal characterization of omissions, the attribution of harmful results to failures to act, multi-actor negligent harm, intervening conduct and the allocation of duties, and the effect of factual mistakes on legal qualification. In omission cases, the proposed functional conditioning approach evaluates whether performance of the required duty would have prevented the prohibited result. Where several actors contribute to one outcome, each actor's breach of duty and its connection to the result must be assessed individually rather than presumed from collective participation. The principle of trust and the limits of non-regression require attention to the applicable division of responsibilities and foreseeable risks. These conclusions support clearer statutory and judicial criteria for distinguishing criminal negligence from non-criminal error while preserving individualized culpability.

References

1. Altiyev R.S. & Ziyamov, B. Qualification of an act in cases of legal and factual error: A comparative and empirical study from Uzbekistan. *International Journal of Law, Justice and Jurisprudence*. Vol. 6. – 2026.
2. Brink D.O. The nature and significance of culpability. *Criminal Law and Philosophy*. Vol. 13. – 2019.
3. Chriss J.J. *Social control: An introduction*. John Wiley & Sons. – 2022.
4. Feldmanis, L. The principle of trust for exceptions to the non-regression clause in the case of delict of negligence. *Juridica International*, 28, 70–78. URL:.. – 2019. – DOI: 10.12697/JI. 2019.28.10. (accessed: 28.09.2026).
5. Fletcher G.P. The theory of criminal negligence: A comparative analysis. *University of Pennsylvania Law Review*, 119(3), 401–438. – 1971.

6. Mousourakis, G. Causation, criminal omissions and medical negligence: Some doctrinal and policy aspects of a common law approach. *Hosei Riron (Journal of Law and Politics)*, – P. 1–39 – 2021. – Vol. 54, No. 2. – 39 с. – URL: <https://niigata-u.repo.nii.ac.jp/records/2000229> (accessed: 28.09.2026).
7. Putra G.P.A., Sangalang R.S. & Pramita C.Y. A juridical analysis of the elements of intentionality and negligence in criminal acts. *Golden Ratio of Data in Summary*, 6(2), 162–169. URL:.. – 2026. – DOI: 10.52970/grdis.v6i3.2113. (accessed: 28.09.2026).
8. Quinney, R. & Sheldon R.G. *Critique of the legal order: Crime control in capitalist society*. Routledge. – 2018.
9. Radov V.V. Chain of causation: Omission committed by the obligor [Конфигурация причинной связи при бездействии обязанного лица] // *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 4(3), 278–286. URL:.. (accessed 30.09.2026) – 2020. – DOI: 10.21603/2542-1840-2020-4-3-278-286.
10. Yanina I.Y. The concept and features of careless infliction [Понятие и признаки неосторожного причинения]. *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*, (2), 65–73. URL:.. – 2016. – DOI: 10.17323/2072–8166.2016.2.65.73. (accessed: 28.09.2026).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

UNIVERSUM: ЭКОНОМИКА И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Электронный научный журнал

№ 10(144)

Октябрь 2026 г.

Часть 2

Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.

Издание содержит научную информацию и в соответствии с ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» не подлежит классификации (маркировке) по возрастным категориям

Издательство ООО «Юниверсум»

Объём издания: 52 с.

Минимальные системные требования: процессор с частотой от 1,3 ГГц; ОЗУ от 512 МБ; программа для чтения PDF-файлов; доступ к сети Интернет

Дата размещения в сети Интернет: 01.10.2026

Журнал размещается в:

CYBERLENINKA

e НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

Google
scholar

ULRICHSWEB
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

>BASE

СОЦИОНЕТ

OpenAIRE

Registry of Open Access
Repositories (ROAR)